

INSPIRIA

СКРЫТЫЕ

ВТОРОЙ РОМАН
ИЗ НОВОГО ЦИКЛА
«ЭББИ МАЛЛЕН»

НАМЕРЕНИЯ

НАС НИКТО НЕ ВИДИТ...

МАЙК ОМЕР

INSPIRIA

Майк Омер: книги по порядку

Майк Омер

Скрытые намерения

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Омер М.

Скрытые намерения / М. Омер — «Эксмо», 2022 — (Майк Омер: книги по порядку)

ISBN 978-5-04-188088-0

ОТ АВТОРА СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРА «ВНУТРИ УБИЙЦЫ». ВТОРОЙ РОМАН НОВОЙ СЕРИИ МАЙКА ОМЕРА ПРО ЭББИ МАЛЛЕН. ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ – ПРОФАЙЛЕР ОСОБОГО РОДА. ОНА – ПСИХОЛОГ-ПЕРЕГОВОРЩИК, СПОСОБНАЯ НАЙТИ СЛАБЫЕ МЕСТА ПРЕСТУПНИКА ЗА СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ. ВСЕ МЫ В ЗАПАДНЕ. НО ВЫХОД ЕСТЬ... Так считают участники интернет-сообщества бунтарей «Стражи». Они убеждены, что общество задыхается в железной хватке насквозь коррумпированных влиятельных чиновников. По малейшим намекам и оговоркам в СМИ Стражи способны вычислить этих преступников. Да, те сильны. Но и на них найдется управа... ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ. И вот вооруженная группа Стражей проникает в одну из школ Нью-Йорка. По их данным, именно здесь высшие чины полиции организовали тайную торговлю детьми. Задача группы — вывести извращенцев на чистую воду. Но что-то идет не так, стройный план рушится... В итоге Стражи баррикадируются в кабинете директора, захватив заложников. Уже пролилась первая кровь. ВСЕ ОНИ ПОГИБНУТ... Цель Эбби Маллен, офицера-переговорщика полиции Нью-Йорка, сделать так, чтобы все остались в живых. Она пытается спасти и заложников, и преступников, не доводя дело до штурма здания. Но проблема в том, что именно в этой школе учится ее дочь Саманта. И сейчас она там, внутри... Майк Омер – автор ряда романов, ставших в России супербестселлерами Книга понравится поклонникам сериалов «Охотники за разумом», «Кости», «CSI: место преступления».

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188088-0

© Омер М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	46
Глава 13	48
Глава 14	54
Глава 15	61
Глава 16	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Майк Омер

Скрытые намерения

Mike Omer
DAMAGED INTENTIONS

© 2022 by Michael Omer.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство Эксмо», 2023

Глава 1

Они могли появиться в любой момент.

Он, спотыкаясь, метался по темному дому, лихорадочно шаря глазами по сторонам, всхлипывая от страха. Сколько у него еще времени? Час? Пожалуй, даже меньше. И он прекрасно знал, что они с ним сделают, когда доберутся сюда. Пытался не думать об этом, но все равно знал. Он слышал достаточно свидетельств тому, видел достаточно фотографий. «Господи, не допусти, чтобы такое случилось со мной!»

Ящик с инструментами нашелся на верхней полке в гараже. Когда он вытаскивал его, привстав на цыпочки, крышка открылась, и оттуда вывалилась отвертка, стукнув его по голове. Шипя от боли, он поставил ящик на пол. Порылся внутри – металлический звон инструментов эхом разносился в пыльном пространстве. «Ну давай же, давай...» В конце концов вывалил содержимое ящика на пол, вздрогнув от громкого грохота железок. Кто-нибудь услышал? Соседи? Случайный прохожий, который уже звонит в полицию? Или, может, *они*?

Есть! Схватив плоскогубцы, он пулей метнулся из гаража; сердце упруго колотилось в груди.

Первым делом – вытащить GPS-трекер! Он упал на колени, пытаясь припомнить вызубренную некогда схему. Но было трудно сосредоточиться, трудно выровнять дыхание, а в голове крутились те жуткие вещи, которые ждали его, как только они доберутся сюда. Ожоги. Увечья.

Он сделал глубокий вдох, заставив себя сосредоточиться. Наступил момент, когда требовалось показать себя. Чего ты стоишь. Припомнить долгие часы практических занятий, зубрежки – подготовки к этому моменту.

Да, теперь вспомнил.

Зацепив скрытый трекер плоскогубцами, он резко рванул, выдергивая его из гнезда. Поднялся, весь дрожа, двинулся к туалету. Попытавшись сбросить трекер в унитаз, уронил в него вместе с ним и плоскогубцы. «Черт, черт, черт!» Кое-как выудил их, спустил воду.

Теперь микрофон. Этот расположен глубже, трудней подобраться.

Когда он засовывал плоскогубцы, пытаясь зацепить микрофон, что-то вспыхнуло в темноте. Заплата белого света – мобильник. Он подхватил его, уставился на экран. Новое сообщение.

Красная_Королева: Гусеница, ты тут?

Звали его, естественно, не Гусеница. Но все эти ники в интернете помогали им скрывать свое истинное обличье – замутировать воду, замести следы. Надо было срочно ответить – сбить с толку тех, кто сейчас мог слушать, наблюдать, вести запись. Он дрожащим пальцем набил: «*Я здесь*», оставив смазанный кровавый след на экране – красное липкое пятно. Со своей ДНК и отпечатком пальца.

*Красная_Королева: Видел ветку, которую только что открыли?
Насчет тех детишек?*

Ему захотелось разбить телефон вдребезги, наорать на Красную Королеву, что сейчас не время, что *они* могут появиться в любой момент, что он может спалиться... Но он заставил себя набить ответ – спокойный, короткий, без грамматических ошибок.

Гусеница: Занят. Потом посмотрю.

Выключил экран, вновь подхватил плоскогубцы.
Так в каком тут микрофон?

Ну да, в правом нижнем коренном зубе. Оттянув подбородок мертвеца, он просунул плоскогубцы над безвольно отвисшей челюстью, зацепил зуб. Сильный рывок – и он выдернул его, едва не завалившись на спину. Почувствовал, как кровь на полу впитывается в джинсы.

Теперь опять в туалет – уже на более уверенных ногах. Зуб полетел в унитаз, плоскогубцы на сей раз остались в руке. Булькнув в воду, тот оставил за собой кровавый след, словно струйку красного дыма. Он смыл его.

Позволил себе улыбнуться. Получилось! Один из их агентов в минусе. Он стал первым, кому удалось это сделать. Они воевали с этой теневой группой уже больше трех лет, и иногда казалось, что битва эта совершенно безнадежна. Что эта могущественная клика извращенных мерзавцев совершенно неуязвима. В конце концов, Круг контролировал правительство, армию, полицию, средства массовой информации... Что может сделать с чем-то подобным жалкая горстка самых обычных людей?

Но, может, и вправду имелась веская причина, по которой он был избран вместе с остальными. И вот вам доказательство – он сделал это.

Обернувшись, он изучил свое лицо в зеркале. Взъерошенное, перемазанное кровью. Но торжествующее.

Вымыл руки в раковине, оставляя кровавые потеки на белом фаянсе и думая про *них*. Пытаясь представить себе, как они теперь будут действовать. Наверняка вскоре попытаются связаться со своим агентом. Ищи ветра в поле – попытки отследить GPS-трекер заведут их лишь в глубины городской канализации. У него есть какое-то время. Не слишком много – не особо-то мудро недооценивать противника. Но вполне достаточно, чтобы замести следы.

Вернувшись в гостиную, он включил свет – и на миг замер, впервые за все время настоящему осознав, что натворил. Мазки крови по всему полу. Лежащее на нем тело – безжизненное, безучастное. Рот широко раскрыт, двух зубов не хватает, от губ тянутся кровавые нитки слюны.

Закружилась голова, даже пришлось прислониться к стене. Он поступил так, как следовало поступить. Это война, и он предпочел выступить на стороне невинных и беспомощных.

Войны – вообще дело кровавое.

И тут неуютная мысль. А вдруг он все не так понял? Вдруг в зубах, которые он выдернул, не было ни трекера, ни микрофона? Может, была какая-то ошибка в схеме – намеренный косяк с целью ввести противника в заблуждение?

«Никому не доверяй! Всегда думай на опережение».

Трекер с микрофоном могли скрываться в любом из оставшихся зубов. Перед ним по-прежнему еще много работы. Он в третий раз опустился на колени рядом с трупом, зацепил плоскогубцами еще один зуб.

Замер в нерешительности. Это просто безумие!

В конце концов, в инструментальном ящике есть еще и молоток.

Глава 2

Запах плохого воспоминания способен заползти тебе в ноздри и застрять в голове на долгие часы, дни, недели.

Эбби Маллен всматривалась сквозь ветровое стекло прокатной машины, пытаясь дышать поглубже и заполнить нос запахом автомобильного освежителя воздуха. Вроде как хвойного, или же еще какой-то не слишком удачной имитацией древесного аромата. Это не помогало. Вонь, которую она обоняла всю последнюю неделю, которая уже снилась ей во сне, постоянно преследовала ее, так никуда и не деваясь.

Люди часто восторгаются тем, как какой-то запах способен подстегнуть воспоминания. Как аромат корицы способен вернуть их в воскресное утро с бабушкой и ее домашними булочками. Или как благоухание букета из свежесрезанных цветов вызывает в памяти веселый весенний пикник.

Но вряд ли кто-нибудь скажет, что запах дезинфектанта сразу заставляет их припомнить, как они держали своего отца за руку в больнице, пока его жизнь отлетала прочь. Как вонь тухлятины возрождает в памяти тот момент из детства, когда они случайно набрали на дохлую собаку в лесу и впервые в жизни столкнулись со смертью.

И никто не станет говорить такого про дым. Удушающий, всепоглощающий дым, и про воспоминания, который он приносит с собой...

Эбби сидела за рулем, стиснув зубы. Одна часть ее сейчас была взрослой женщиной, матерью двоих детей, лейтенантом нью-йоркского управления полиции. Другая – семилетней девочкой, на ощупь пробирающейся по туманному от дыма коридору с деревянными стенами¹.

Она кашляет, полуприкрыв залитые слезами глаза. Приглушенные крики из-за запертой на засов двери, какая-то женщина умоляет выпустить ее. Мама? Или кто-то еще? Она должна их освободить!

Стены так и излучают жар – за ними наверняка уже натуральное адское пекло. И там заперты десятки людей. Ею заперты. Она ошиблась – наверное, что-то не так поняла. Но можно откинуть засов, и...

– Абихейл², а ну отойди оттуда! – вопит у нее за спиной Иден, и сама заходясь в кашле. Голос у нее испуганный, пронизанный отчаянием. Но она просто не понимает – тут какая-то ошибка, и мама с папой зовут на помощь.

Дверь всего в паре шагов – Абихейл уже тянется к засову, чтобы выпустить их.

Внезапно рука у нее на плече – отдергивает ее назад, резко разворачивает.

Она кричит от злости и страха, пытается вырваться.

И тут оглушительный взрыв – ударная волна отбрасывает ее в сторону. Вдруг жгучая боль в затылке, пламя поглощает их обеих...

Рука у нее невольно тянется к шраму на шее, и Эбби выпускает судорожный вздох. Трогает жесткую заплатку у себя на коже – напоминание о том, что она больше не ребенок. Тот пожар – событие, которое пресса окрестила Бойней в секте Уилкокса, – уже несколько десятков лет как в прошлом.

¹ Здесь и далее: о событиях прошлого подробно рассказывается в романе М. Омера «Гибельное влияние». – *Здесь и далее прим. пер.*

² Несмотря на схожее звучание и написание, распространенное имя Эбигейл и менее известное Абихейл (Abigail и Abihail в англоязычном варианте) – это совершенно разные имена и даже с иврита, откуда они происходят, переводятся по-разному. Абихейл в русскоязычной библейской традиции – Авигея.

И вот теперь, впервые более чем за тридцать лет, она опять в Северной Каролине – в том месте, где располагалось огороженное прочным забором поселение Семьи Уилкокса.

Огромного деревянного строения, в котором располагались часовня, офисы, общественная столовая и спальня самого Моисея Уилкокса, больше уже нет, конечно же. Оно сгорело дотла, а то, что осталось, давно уже убрали. Нет и трех больших спальных барakov, в которых все они тогда размещались.

На их месте возле дороги стоит большая угловатая гранитная плита. За ней – несколько деревьев, совершенно голых. Это клены, посаженные в память о тех, кто погиб здесь в огне. Она видела фотографии этого мемориала, сделанные осенью, – нежно-красная листва кленов резко контрастирует с мрачным оттенком плиты. А теперь этот эффект утерян – деревья всех оттенков серого, как и небо над ними. Серые, как дым.

Выйдя из машины, Эбби подошла к мемориалу. Провела пальцем по грубой гранитной поверхности, читая надпись на ней.

«В память о пятидесяти девяти невинных душах, жизни которых трагически оборвались двадцать третьего апреля 1987 года. Девяти из них было меньше восьми лет от роду».

Под этой надписью – имена в четыре колонки.

Она быстро проглядела список. В середине третьей колонки – «Марта Ричардсон» и «Дэвид Ричардсон». Ее мать и отец.

Мысленно вернувшись в детство, Эбби попыталась припомнить, как они выглядели. Свою мать, с которой она проводила бездну времени, собирая цветы на лугу и составляя букеты для цветочного магазина, ей удалось представить себе достаточно легко. Блондинка, как и сама Эбби, и волосы у нее ниспадали до самого пояса. Она стягивала их в конский хвост, не утруждаясь тем, чтобы скрыть особенность, что преследует Эбби и по сей день, – свои большие выступающие уши.

А вот отец – совсем другое дело. Припомнилось лишь, как Эбби держала его за руку во время застольных молитв – большую и всегда невероятно теплую. И всю исцарапанную – результат работы весь день с колючими цветами. Но помимо этой руки, больше она ничего не помнила.

Еще одно имя в самом низу колонки. «Моисей Уилкокс». Секунду она смотрела на него, стиснув зубы. А потом, нахмурившись, пригляделась пристальней. Эбби думала, что погибшие указаны в алфавитном порядке, но в таком случае Моисей должен был быть упомянут в четвертой колонке, ближе к концу списка. Она быстро осознала, что это не так – у последних восьми жертв почему-то были указаны только имена, без фамилий.

Найдя своих родителей, Эбби по второму разу перечитала имена, обнаружив среди них еще несколько знакомых. Родителей Иден. Матери Исаака – его отец так и не присоединился к культу. Ханны, которая работала на кухне и частенько пекла печенье для ребятишек. Эрика, который ходил раскорякой, всегда как-то странно поглядывая на нее, пугая ее.

Она удивилась, сколько имен здесь узнала – людей, про которых не вспоминала больше тридцати лет. И... даже вроде как нашла ошибку.

Дядьку, который ездил на грузовике и отвозил приготовленные матерью букеты в цветочный магазин, звали Джордж. И хотя она четырежды перечитала весь список, нигде его имени не нашла. Имелся там другой Джордж – Флетчер, но это был отец Иден, и Эбби точно знала, что это не он.

Вытащив телефон, она позвонила Иден.

– Привет, Эбби! – Голос у той звучал жизнерадостно – совсем не как у той насмерть перепуганной, сходящей с ума от отчаяния женщины, которой Эбби помогла два месяца назад.

– Привет. – Глаза Эбби машинально метнулись к именам родителей Иден. – Послушай, я только что доехала до мемориала...

Они уже обсуждали это еще до того, как Эбби вылетела в Северную Каролину. Недавнее воссоединение трех выживших после Бойни в секте Уилкокса – Эбби, Иден и Исаака – подняло некоторые вопросы, оставшиеся без ответа, и пробудило темные, давно забытые воспоминания. Эбби хотелось узнать больше. Иден с Исааком эта идея особо не вдохновила. Они предпочитали оставить прошлое позади. Тем не менее Иден попросила Эбби держать ее в курсе, если та что-нибудь вдруг обнаружит.

– Ну и как он выглядит? – спросила Иден.

– Ну не знаю... Как обычная памятная плита. Со списком имен.

Короткое молчание.

– Понятно.

– Я хотела у тебя спросить: ты не помнишь Джорджа? Не твоего папу – другого Джорджа.

– Который ездил на грузовике? Конечно. Он иногда брал меня с собой.

– А он был здесь до... – Эбби прокашлялась. – До самого конца, верно?

– Угу... Насколько я помню, да. А что?

– По-моему, его тут забыли указать. Ты не помнишь его фамилию?

– Понятия не имею. Я же была всего лишь ребенком. – Иден как будто даже обиделась.

– Ну да. Как и все мы... Ладно, спасибо.

– Ты еще не встречалась с тем мужиком?

– Нет. Как раз собираюсь.

– Ладно. Удачи.

– Спасибо. Еще позвоню.

Эбби нажала на «отбой» и огляделась по сторонам, после чего подобрала с обочины дороги небольшой камешек и положила его на верхушку плиты. Провела пальцем по изгибам рукописной «М» в имени матери.

А потом вернулась к машине и завела мотор, мысленно готовясь ко встрече с человеком, который разделил с ней один из худших моментов в ее жизни.

Глава 3

Дом располагался на не слишком-то населенной улице, где деревья превосходили числом дома в соотношении двадцать к одному. Трава в садике была усыпана крошечными белыми цветочками, словно в иллюстрации к какой-то детской сказке. На крыльце в плетеном кресле восседал седоволосый мужчина, покуривая сигарету. У ног его лежал золотистый ретривер, положив башку на передние лапы и прикрыв глаза.

Выбравшись из машины, Эбби подошла к нему.

– Простите...

– Всё вон там, за домом. – Мужчина махнул рукой, небрежно удерживая сигарету двумя пальцами. – Просто обойдите вокруг. Посмотрите, может, и найдете свои.

– Я... Что? Вообще-то я ищу Нормана Льюиса.

– Угу, это я. Говорю же вам, загляните... А-а, ну ладно, проехали. Давайте я вам покажу.

Он с кряхтением поднялся, держась за поясницу. Золотистый ретривер восторженно вскочил и последовал за Норманом Льюисом, который не спеша пошаркал на зады дома. Эбби в полном недоумении двинулась за ними. Завернув за угол, Норман остановился возле большой горы обуви и уставился на нее. Эбби подошла ближе и тоже обвела ее взглядом. Пес выжидающе посмотрел на нее, виляя хвостом.

Куча выглядела довольно жалко – вся обувь в ней была какая-то жеваная и грязная. Причем всех видов и размеров – несколько кроссовок, детский сапожок, красная женская туфля на высоком каблуке...

– Вот эта? – Норман показал на красную туфлю. – Похоже, ваш размерчик.

– Нет, гм...

– Не видите пока? А вторую вы с собой, часом, не захватили? Я бы тогда и сам поискал. Он иногда их где-то закапывает, прежде чем принести сюда, так что это может занять пару дней.

– Мистер Льюис, я здесь не из-за потерянной туфли. Меня зовут Эбби Маллен. Мы вроде договаривались, что я к вам заскочу на этой неделе в любое время.

– О! – Брови у него взлетели вверх. – Так вы из полиции Нью-Йорка? Я и не думал, что вы в самом деле объявитесь.

Эбби смущенно развела руками – мол, вот она я.

Норман вновь опустил взгляд на гору обуви.

– Последнюю пару дней все только еще хуже. В прошлую субботу была гроза, и на улицах жуткая грязь. Все оставляют свою грязную обувь перед входом, а для Купера это просто праздник. – Он пожал плечами. – Ну ладно. Давайте пройдем в дом.

Он провел ее в небольшую уютную гостиную и уселся на маленький диванчик возрастом явно постарше Эбби. Сама она устроилась на единственном оставшемся месте в комнате – на кресле-качалке. Купер свернулся на коврик между ними и протяжно зевнул.

– Выпьете что-нибудь? Кофе? Чай? – спросил Норман.

– Нет, спасибо.

– Апельсиновый сок? Пиво? Просто водички?

– Нет, и вправду спасибо.

Норман откинулся на спинку диванчика.

– Как померла моя жена, два года назад, Купер пристрастился воровать у людей обувь. Не знаю почему – то ли это у него такой странный способ справляться с горем, то ли он думает, что это повышает мне настроение.

Заслышав свою кличку, Купер поднял голову. Эбби наклонилась к нему и почесала за ушами, и он завил хвостом, хлопая им по полу. Для обувного фетишиста он оказался милейшим псом, какого Эбби только встречала.

– Поначалу он приносил только левые туфли. Девять штук. По-моему, этот пес в некотором роде гений. Вы когда-нибудь слышали, чтобы собака могла отличить левую туфлю от правой?

– Не слышала. – Эбби ухмыльнулась ему. Норман вроде как был рад компании, и ей очень не хотелось сейчас беречь прошлое и разрушать очарование момента. Так что решила пару минут выждать.

– Но потом он притащил и несколько правых, так что я решил, что это было просто совпадение. Однажды принес мне клоунскую туфлю. Тридцати дюймов в длину, ярко-красную... Вы точно ничего не хотите?

– Нет, спасибо.

– Ну, как знаете. Так что же привело сотрудника нью-йоркской полиции в Эйден?

Она вздохнула.

– Я хотела расспросить вас о том, что произошло тут много лет назад. О пожаре в поселении Уилкокса.

– О... – Лицо у него помрачнело.

Какую-то секунду Эбби почти хотелось сказать, что вообще-то она и вправду потеряла туфлю и как раз поэтому-то и пришла. Но вместо этого произнесла:

– Вы ведь были там, верно?

– Был. – Купер сразу посерьезнел. – И что конкретно вас интересует?

Эбби нерешительно помедлила.

– Тогда меня звали Абихейл.

На какой-то миг Норман вытаращился на нее, раскрыв рот. Кровь отлила у него от лица.

– О боже... – прошептал он.

– Помните меня?

– Девочка, я много чего забываю... Ухитрился забыть про годовщину нашей с женой свадьбы, три раза подряд... Но про тот день я никогда ничего не забуду. А уж поверьте мне – я пытался.

Эбби печально улыбнулась ему.

– Это хорошо. Потому что я надеялась на кое-какие ответы.

Норман на несколько секунд поджал губы.

– Знаете что? Пожалуй, а вот я сейчас точно выпил бы. Подождите здесь.

Купер тут же вскочил и последовал было за хозяином, когда тот вышел из комнаты, но тут вдруг остановился и оглянулся назад, словно сомневаясь, стоит ли оставлять гостью без присмотра. Развернулся и вернулся к Эбби, после чего ткнулся носом ей в коленку. Она почесала ему башку, и он с довольным видом прикрыл глаза. Когда она убрала руку, пес опять принялся тыкаться в нее носом, пока она не сдалась и вновь не потрепала его по загривку.

Через пару минут Норман вернулся, держа в одной руке бутылку пива, а в другой – дымящуюся кружку.

– Пока вы его чешете, он от вас не отцепится. – Хозяин дома передал ей кружку. – Чай с корицей. На улице холодно.

– Спасибо, – вежливо ответила Эбби, пригубив и подивившись, насколько великолепен чай на вкус. Купер толкал ее лапой, требуя продолжения ласки, и она пролила немного на себя.

– Купер, вон! – приказал Норман, открывая дверь.

Пес с обиженным видом уставился на него.

– Ну давай уже, выматывайся!

Купер страдальчески фыркнул и затрусил к двери. Норман закрыл ее за ним и вновь уселся. Отпил пива.

– Так что это не связано с каким-то вашим расследованием, так ведь?

– Не совсем.

Он кивнул.

– Знаете, я всегда гадал, что же с вами троими стало... Тогда вы выглядели такими... потерянными. Я как-то даже пытался разыскать вас, но мне не сообщили, где вы.

– Меня отправили в приемную семью, и они меня в итоге удочерили.

Его лицо слегка прояснилось.

– Приятно слышать. А не в курсе, что стало с остальными двумя? С Иден и Исааком?

– У Иден сейчас своя семья. Исаак – бухгалтер.

Лишь основные факты, без мрачных подробностей. Но Норман прищурился, во взгляде его мелькнул прозорливый огонек. Его было не обмануть.

– Итак, – наконец произнес он, – и о чем же вы хотели меня расспросить?

– Ну... Я тут подумала про тот наш разговор. По телефону. Я знаю, что есть его расшифровка в текстовом виде. Я ее читала. И хотела спросить... есть ли что-то, что в эту распечатку не вошло?

– Например?

– Например, какой я вам показалась.

– Жутко испуганной. Вам же пистолет приставили к виску.

– Я плакала?

Норман немного помедлил.

– По-моему, да.

– По-вашему? Вы же сказали, что помните абсолютно все про ту ночь.

– Ну да, но вас-то я не видел, – заметил Норман. – Связь была плохая, с кучей помех. Как я уже сказал, вам приставили пистолет к голове. Какая семилетняя девочка при этом не расплачется?

Семилетняя девочка, которой на самом деле не приставляли пистолет к голове. Семилетняя девочка, которая просто повторяла слова, которые наговаривал ей Моисей Уилкокс.

– Я сказала вам, что мы в столовой, вместе с остальными членами общины, – сказала Эбби. – Вы их слышали?

Норман нахмурился.

– По-моему, я помню, что слышал плач на заднем плане...

– Шестьдесят два человека в переполненном помещении. Шуму должно было быть много.

– Не думаю. У этого Моисея Уилкокса был пистолет. По-моему, они боялись даже лишним словом обмолвиться.

– То есть все, что вы помните, это плач на заднем плане? – не отставала Эбби.

– Ну да.

– Ладно, – мрачно произнесла она. Помолчала, отпив чаю.

Эбби надеялась на нечто другое. Что он скажет, что она навзрыд рыдала в телефон. Что слышал крики о помощи на заднем плане. Ее воспоминания о той ночи были туманны и спутанны. И до недавних пор она считала, что тогда они были в столовой все вместе. Что Моисей вжимал ствол пистолета ей в затылок, приказывая, что именно говорить копам.

Но пару месяцев назад, вновь повстречав Иден, Эбби начала припоминать нечто совсем другое. Иден, Исаак и она находились в другом помещении – не в том, что все остальные члены общины. Моисей приказал ей поговорить с полицией – сказать им, чтобы держались подальше, поскольку он держит ее под прицелом.

– Скажи им про пистолет. – Его палец вжимается ей в затылок, словно ствол. – Скажи им, что мы все вместе – все шестьдесят два человека.

А потом он вышел. И когда она разговаривала с копами – в частности, с Норманом, который сидел сейчас напротив нее, – то повторяла то, что Моисей велел ей говорить. Пусть даже на самом деле он и не угрожал ей пистолетом. Его даже не было рядом. А потом, закончив разговор, Эбби подошла к двери столовой и закрыла ее на засов, как приказал ей Моисей. Заперла остальных членов общины внутри.

Она заморгала, откашлялась.

– Я сегодня была на мемориале. Там у некоторых имен нет фамилий.

– Ну да... У нас не было полного списка членов этой секты... В смысле, общины.

– По-моему, вы вполне вправе употреблять слово «секта».

– Насколько я понимаю, некоторые из ее членов были пришлыми из других штатов. Люди приходили и уходили. Тела были... Ну, в общем, можете себе представить. Большинство из них были в очень плохом состоянии. Трудно опознать. Мы порасспрашивали в округе – местные практически всех из них знали. Да и вы, ребяташки, сообщили нам несколько имен. А потом стали появляться родственники, опознали кое-кого. Но восьмерых так и не удалось нормально идентифицировать.

– Верно. И там не упомянут еще один человек. Некто Джордж.

Норман поднял брови.

– Ну как же, есть Джордж. Джордж Флетчер.

Эбби покачала головой.

– В секте было два Джорджа. Джордж Флетчер и еще один.

– Мы про это не знали... Может, в тот день он куда-то уехал?

– Нет. А не мог он выжить при пожаре?

– Не выжил никто, кроме вас троих.

– Там, должно быть, творилась полная неразбериха. Было темно, сильный пожар, повсюду дым. Может, вы пропустили...

– Там было пятьдесят девять тел. И трое выживших. Всего шестьдесят два человека. Все сходится. – Норман подался к ней. – А почему вы думаете, что был еще один выживший?

– Да говорю же вам, был еще один Джордж! На мемориале он не указан.

Он пристально посмотрел на нее.

– А почему вам захотелось пообщаться со мной? Вы приехали сюда явно не для того, чтобы посмотреть на мемориал. Вы звонили мне еще неделю назад. Что это все значит?

Эбби мысленно взвесила этот вопрос. И наконец решилась.

– После того пожара мы с Исааком поддерживали связь. Он несколько раз писал мне, после чего я стала ему отвечать. Потом мы стали общаться по электронной почте. А последнюю пару лет – и по телефону, едва ли не ежедневно.

Норман ничего не ответил, удерживая ее взгляд. Ей было хорошо видно, какого рода копом он был. Копом, который хорошо знал: когда кто-то говорит, ты должен *слушать*.

– Он даже присылал мне фотографии. В общем, сами знаете: «Это я с моими приемными родителями. А это я на своем велике в свой день рождения. А это я с подружкой на выпускном балу» – такого вот все рода. Во всяком случае, пару недель назад мы с Иден решили сделать ему сюрприз. Я разыскала его адрес, и мы поехали туда. И он оказался вовсе не тем человеком, с которым я все это время общалась.

Норман поднял брови.

– Вы хотите сказать, что ошиблись адресом?

– Адрес был правильный. Исаака, с которым мы познакомились в детстве, с которым я росла. Но это оказался не тот человек, с которым я переписывалась. На фото тот выглядел совсем по-другому. А Исаак, настоящий Исаак, тридцать лет ничего про нас не слышал.

– И вы думаете, что кто-то выдавал себя за Исаака? – недоверчиво спросил он, внимательно присматриваясь к ней.

– Да.

– И зачем?

– Вот это я и хочу выяснить.

– Вы думаете, это кто-то из общины Уилкокса?

– Он знал то, что могли знать только люди, живущие в общине. Только те, кто тогда меня знал.

– Были люди, которые ушли из общины еще до пожара. Например, как тот малый, который написал книгу.

– Леонард Холт, – произнесла Эбби. Леонард написал автобиографическую повесть о своем пребывании в Семье Уилкокса. Он ушел из общины за год до пожара. – И в разные годы ушли еще несколько людей. Пожалуй, такое вполне возможно.

– Ну что ж, это по-любому не этот ваш Джордж, могу вас в этом заверить. – Норман встал. – Погодите-ка секундочку. У меня есть кое-что, что может вас заинтересовать.

Он вышел из комнаты. Эбби опять отпила чаю – теперь уже чуть теплого. Поставила кружку на кофейный столик. Откуда-то из глубины дома послышался грохот – что-то упало, после чего оттуда донеслась череда проклятий.

– Все нормально? – Она встала.

– Да, сейчас приду. – Голос Нормана звучал напряженно.

От входной двери донеслось настойчивое царапанье, сопровождаемое жалобным подвыванием.

– Не трудно открыть Куперу дверь? – крикнул Норман.

Эбби подошла к двери и распахнула ее. На пороге стоял Купер со сверкающим черным сапожком на высоком каблучке в зубах. Сбросив его к ее ногам, он выжидающе посмотрел на нее, вилая хвостом.

– Спасибо, но не думаю, что это в моем вкусе. – Она подобрала сапожок. – Хотя размер ты угадал.

Пес радостно запыхтел, вывалив язык.

– О господи, опять? – застонал у нее за спиной Норман.

Она обернулась. В руках у него была пыльная картонная коробка. Он поставил ее на пол и протянул руку. Эбби отдала ему сапожок.

– На вид тоже недешевый, – пробормотал Норман. – И весь в слюнях. Надеюсь, что владельца – не как та дама на прошлой неделе. Ну и как я возьму ей то, что она купила в Париже?

Купер прошмыгнул в дом, явно довольный тем, что дело на сегодня сделано. Эбби захлопнула дверь.

– Тут практически все документы, которые я собрал после пожара, – объяснил Норман, придвигая коробку к Эбби. – Рапорты, протоколы допросов, фотографии... Есть даже запись беседы с вами. Хотя не то чтобы вы особо много чего сообщили.

Присев возле коробки на корточки, Эбби открыла ее. Стопки бумаг, пожелтевших от времени... Показания свидетелей... Докладная записка ФБР. Отчеты о вскрытии. Глаза сами собой метнулись вбок, когда перед ними промелькнула фотография тела, почерневшего от огня. Связка газетных вырезок. Экземпляр книги Леонарда Холта.

– Я продолжал собирать их и после отставки, – пробормотал Норман, почесывая башку Куперу. – Даже сам не знаю зачем.

– Некоторые дела так и не отпускают, – отсутствующе произнесла Эбби, перебирая газетные статьи. Фото сгоревшего поселения, крупные заголовки: «Страшная бойня в секте Уилкокса», «В страшном пожаре выжили лишь трое»...

И тут...

– Ой... – выдохнула она.

– Что такое? – заинтересовался Норман.

Это была статья, датируемая за несколько месяцев до пожара. Интервью в городской газете с местным флористом, завоевавшим какой-то приз, – судя по газетному материалу, человеком, близким к общине Уилкокса.

И фото.

Она подняла взгляд, чтобы посмотреть на старого копа.

– Это мой папа.

Глава 4

В состоянии стресса Гусеница стискивал зубы, сдвигая челюсть вправо. Вообще-то не просто стискивал, а скрипел ими, раз за разом. Бывшая подружка говорила ему, что это просто-таки мерзкий звук – мол, ей всегда кажется, что он сотрет себе зубы в пыль. Она хотела, чтобы он сходил к дантисту, против чего Гусеница решительно возражал.

Он не доверял дантистам даже тогда. Когда еще не знал всей правды. У него всегда были острые инстинкты.

И все же в последнее время один напряженный день сменял другой, и каждое утро он просыпался с гудящей головой и болью в челюсти. Не чувствовал себя отдохнувшим, как следовало бы после ночи сна. Все мускулы были напряжены, все тело казалось заостеневшим.

Со стоном встав, Гусеница прошлепал на кухню. Там приготовил себе целую колбу кофе. Каждое утро он готовил свежий, очень крепкий, и пил его весь день, частенько готовя себе добавку во второй половине дня. Кофе помогал ему сохранять остроту ума, помогал видеть закономерности.

Все дело было в закономерностях. В схемах и взаимосвязях, лежащих в основе тех или иных событий, на первый взгляд никак не связанных между собой.

Прихлебывая кофе из чашки, Гусеница уставился в окно, на задний двор. Некоторые цветы в саду уже увядали. Нахмурился собственному отражению в оконном стекле. Расположился он так, что цветы почти венчали его полупрозрачное отражение. Венец из умирающих цветов. При виде своей болезненной физиономии Гусеница лишь хмыкнул, пригладил рукой жидкие каштановые волосы. И хотя ему скоро должно было стукнуть сорок пять, он всегда думал, что выглядит моложе. Но стресс от его ежедневных занятий уже начинал сказываться на нем. Вид у него был бледный и усталый. И стоило бы побриться.

Выйдя из кухни, Гусеница направился к своему письменному столу. Положил перед собой листок бумаги и только потом поставил на него чашку, чтобы избежать кофейных пятен. Потом включил лэптоп и с головой нырнул в Сеть. Вот как он с недавних пор думал об этом: не как об «открытии сайтов» или «чтении новостных лент» – из-за таких вот жалких формулировок его ежедневные занятия выглядели бы праздным времяпрепровождением. Борьба была суматошной и интенсивной, и каждый день она принимала новые формы. Если просто «читать новости», то никогда на самом деле не получишь реального представления, что происходит. В таком случае ты лишь один из общей массы, бессловесная овца – человек, которых он сам и остальные Стражи обычно предпочитали называть «сонными Алисами».

Нет, чтобы реально *понять*, что происходит, нужно нырнуть в самую глубину. Всем телом, всем разумом. Проплыть сквозь все имеющиеся в Сети данные. Отсеивая правду от лжи, реальность от иллюзий.

Единственный щелчок мыши, и на экране открылись многочисленные браузерные окна. «Твиттер», «Фейсбук»³, «Нью-Йорк таймс», «Си-эн-эн», «Фокс ньюс», «Ти-эм-зет», «Пипл»... с этого обычно и начинаешь. А отсюда уже ощупью находишь свой путь во всех этих информационных миазмах.

Первым делом – самое главное: залогинившись на форуме Стражей, Гусеница быстро просмотрел несколько постов, появившихся с тех пор, как он был здесь последний раз. Вышел он с сайта около трех часов ночи, а сейчас было девять утра. Как-никак уже шесть часов прошло. Целая вечность.

А жизнь на форуме была ключом.

³ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. – *Прим. ред.*

Гусеница любил заходить туда каждое утро. Он не воевал в этой войне в одиночку. Они были командой. Вообще-то даже армией, с сотнями солдат, обшаривающих Сеть двадцать четыре часа в сутки в поисках разведанных – всего, что выделяется из общего ряда. Выискивающих закономерности.

Высочила новая ветка, в которой обсуждали землетрясение в Пуэрто-Рико, вызвавшее отключение электроэнергии. Кое-кто из Стражей уже высказывал бредовые идеи, будто и само по себе землетрясение устроила тайная клика, правящая миром, – при помощи каких-то секретных технологий. Гусеница лишь закатил глаза. Как будто природные катастрофы не происходили и в доисторические времена! А вот отключение электричества – дело совсем другое. Как будто так вот запросто можно оставить без света целый остров. Один из участников форума успел выяснить, что поставщиком электроэнергии в Пуэрто-Рико является Пуэрториканское энергетическое управление, которое в 2018 году было *приватизировано*. Кто владелец? Кому выгодно отключение электроэнергии? Иногда задавать вопросы гораздо важней, чем на них отвечать.

Ага, а вот это уже интересно... Новый комментарий в ветке, посвященной раскрытым агентам.

Никому не известно, кто именно входит в эту теневую группу, контролирующую все и вся, – Круг. Они сохраняют полную анонимность, обдывая свои делишки посредством фиктивных корпораций, привлекая сотни агентов. Но у Стражей уже имелся список возможных агентов, работающих на клику, – с различной степенью вероятности. Губернатор штата Юта точно был агентом, равно как и заместитель главного прокурора Соединенных Штатов. Двое судей Верховного суда тоже почти наверняка были агентами, что гарантировало полнейшее могущество клики благодаря принимаемым ими решениям. Хотя частенько было трудно понять, кто агент, а кто лишь объект манипуляций Круга, действующего двумя своими главными видами оружия, имя которым Подкуп и Шантаж.

Это бесило Гусеницу больше всего. Каждый день мужчины и женщины продавали интересы человечества только лишь по причине собственной жадности или слабости. Он знал, что, если когда-нибудь Круг доберется до него, он рассмеется им прямо в лицо – и неважно, сколько они предложат.

И Стражи отнюдь не были настолько уж беспомощны. Они могли пригрозить этим агентам и их сообщникам, бомбардируя тех сообщениями по электронной почте и в мессенджерах, заваливая телефонными звонками. Они могли дать тем понять, что кто-то видит их насквозь.

Новый пост касался некоей Софии Лопес.

София Лопес предположительно была матерью одиннадцатилетнего мальчишки, которого застрелил владелец какого-то ранчо – после того как ошибочно решил, будто парнишка держит в руках ствол. Просто-таки кошмарная история. Пока как следует не присмотришься к фактам.

Фото мальчишки циркулировало по всем средствам массовой информации. И как раз один из Стражей засек, что ребенок очень похож на того, что фигурировал в рекламе сухих завтраков двухгодичной давности. Похож? Да если как следует присмотреться, то совершенно ясно: это определенно тот самый мальчишка! И фамилия этого юного актера была Лопес? Нет, конечно же. Как только на это обратили внимание, множество дополнительных деталей гололомок сразу встали на место. Фото ранчо в «Таймс» было явно отфотошоплено – часть тени дерева там вырезана. И владелец этого ранчо как раз вовсе судился не с кем-то там, а с *федеральным правительством* – касательно изданных тем недавно решений, ограничивающих ему доступ к местному источнику воды.

Стоит задать вопрос номер один – «Кому выгодно?» – как ответ сразу становится виден невооруженным глазом.

Да из Софии Лопес такая же убитая горем мать, как из Гусеницы – балерина! Она явно из агентов Круга. И кто-то уже только что нарыл ее адрес, телефонный номер и имейл. И выложил все это в ветку о раскрытых агентах.

Гусеница встал и прошелся по дому, чувствуя нарастающий гнев. Все это даже еще хуже, чем обычно! Круг и его агенты цинично использовали то, что связывает всех людей без исключения, – способность к сопереживанию. Кто не посочувствует боли горюющей матери? Кто не прослезится при мысли об этом славном улыбчивом мальчишке, получившем пулю? И сколько же эта тварь получила за свои крокодиловы слезы? Наверняка побольше бабла, чем Гусеница видел за всю свою жизнь!

Он пошел в гараж, бросил взгляд на стволы в шкафу. Получил их только на прошлой неделе, и при их виде сразу поднялось настроение.

Вернувшись к ноутбуку, Гусеница залогинился на сайте, позволяющем отправлять имейлы с временных адресов. Создал новый адрес, и на темные просторы Сети улетела вереница букв и цифр, которую никогда не отследить обратно к нему.

Щелкнув на кнопке «Создать», он на секунду задумался, что бы такого написать. Никаких завуалированных намеков. Сплошь заглавными буквами. МЫ ЗНАЕМ, ГДЕ ТЫ ЖИВЕШЬ. Она сразу все поймет. Открыв «просмотр улиц» на «Гугл-картах», Гусеница нашел адрес Софии и сделал скриншот. Отличный крупный план дома этой суки. Прицепил его к письму и отправил на имейл, указанный на форуме. Другие Стражи сделают то же самое. Начнут звонить и пугать ее, и она сразу поймет, что не стоило брать деньги, предложенные кликой.

Гусеница довольно улыбнулся. Некогда он почти привык чувствовать себя беспомощным – всю жизнь его дергали за ниточки невидимые кукловоды, над которыми у него не было власти. Но, вступив в ряды Стражей, он вернул себе эту власть.

Переключившись на «Ютьюб», Гусеница просмотрел тридцатипятиминутное видео одного из самых популярных Стражей, который в подробностях обрисовал, как именно утробные плоды после абортостанов становятся кормом для скота во Флориде. И несколько раз повторил, что его зрители не обязаны безоговорочно ему верить. Им следует провести свои собственные изыскания.

Это было то, что Гусенице больше всего нравилось в Стражах. В отличие от средств массовой информации и политиков, никто из них не настаивал на собственной монополии в области знаний и практического опыта. Знание было повсюду. Все, что тебе остается сделать, это внимательно наблюдать и проводить свои собственные изыскания. И перво-наперво доверять самому себе. Вот так-то Стражи и защищали себя. Они знали как непреложный факт, что на их форумах и чатах у Круга есть свои люди, маскирующиеся под Стражей. Но эти уроды не могли ничего поделать, поскольку Стражи были обучены проводить свои собственные расследования и никогда не принимали на веру сказанного другими.

Тут его внимание привлек заголовок на «Фокс ньюс». На недавней пресс-конференции начальник нью-йоркского управления полиции высоко оценил усилия своих сотрудников, которые арестовали одиннадцать подозреваемых в ходе облавы на наркоторговцев в Куинсе. Угадайте с ходу, дамы и господа: сколько, согласно отчетам, было арестовано днем ранее?

Верно. Девять.

Шеф полиции просто ненамеренно оговорился? Или это была «оговорка по Фрейду», признающая то, о чем Гусеница вчера объявил на форуме? Что арестовали они более девяти человек и что часть задержанных попросту «исчезла»?

Это подобно наркотическому приходу – когда все со щелчком встает на свое место. Такое не каждый день случается. Иногда ты просто громозишь друг на друга вопросы без ответа – ни к чему не подходящие детальки головоломки из миллиарда деталек. Но тут вдруг факт сходится с теорией и два вроде не связанных друг с другом события крепко сцепляются с тре-

тым, создавая единое целое. И в этот момент ты в одну секунду понимаешь, как все устроено. Видишь заводской чертеж нашей прогнившей насквозь цивилизации.

И понимаешь, каким именно образом крошечная кучка людей ухитряется манипулировать абсолютно всем, управлять жизнями всех живущих в этой стране, вылепливать на свой лад события мирового масштаба.

Все становится ясно как день.

Глава 5

Обратный перелет Эбби до Нью-Йорка длился меньше двух часов, и только диву даешься, сколько дискомфорта и напряжения можно вместить в столь короткий период времени. Пассажир в соседнем кресле обильно потел и не закрывал рта, что казалось несколько несправедливым, поскольку должно же быть у человека право выбора? И как это можно потеть в январе, в едва ли не замороженном кондиционерами аэропорту? Чудеса, да и только.

Весь полет сопровождался болтанкой, и каждые пару минут самолет словно проваливался на тысячу футов, отчего желудок у Эбби подкатывал к горлу. А мистер Пот каждый раз хихикал и восклицал: «Вот это ухнули!» Где-то на полпути он попросил у стюардессы томатного сока. Когда Эбби передавала ему стаканчик, самолет опять попал в воздушную яму, и половина сока оказалась у нее на коленях.

Когда они наконец приземлились, мистер Пот распрощался с ней в манере, намекающей на то, что теперь они лучшие друзья, и на какую-то жуткую секунду Эбби показалось, что он нацелился ее обнять. А потом, когда адский летательный аппарат остался у нее за спиной, ей понадобилось тридцать минут, чтобы вспомнить, где она оставила машину.

В тот момент Эбби уже была готова расплакаться.

Когда она выезжала из аэропорта, позвонил Стив, ее бывший муж, – сказал, что сам забросит детей к ней домой и накормит ужином. Так что она может ехать прямо домой и на этот счет не заморачиваться. Это был удивительный, заботливый жест, и в хрупком состоянии разума Эбби он заставил ее припомнить их лучшие времена вместе.

Наконец подъехав к дому, она не без труда выдернула из багажника свою дорожную сумку. Веса та фунтов на десять больше, чем перед отъездом, – она затолкала туда все полученные от Нормана бумаги. Просмотреть их Эбби планировала тем же вечером.

Открыв дверь, она на миг застыла на пороге, недоуменно хлопая глазами. Саманта с Беном сидели по бокам от Стива на диване, и он им что-то показывал. Это казалось чем-то из совсем другой жизни – той, в которой она никогда не разводилась и их семья оставалась единым целым. Когда Эбби вошла, все подняли головы, а Бен быстро вскочил с дивана и бросился к ней, чтобы обнять ее.

– Мама!

Она улыбнулась и присела на корточки, чтобы заключить его в объятия, и последние несколько часов были на миг забыты. Обнимашки с сынишкой по-прежнему были для нее одной из лучших вещей на свете, и Эбби хорошо сознавала, что в ближайшие годы этот приятный опыт сойдет на нет. Ему исполнилось восемь, и подростковые годы были уже не за горами. На сколько еще лет у него хватит желания обниматься? На год, на два? Лучше наслаждаться этим, пока такое все еще длится.

Наконец отпустив ее, Бен принялся восторженно тараторить. Такова уж была у него привычка, когда бы дети ни возвращались домой после пары дней в доме отца. Ему требовалось ввести Эбби в курс дела касательно всего, что она пропустила. К несчастью, этот щенячий восторг всегда приводил к полному краху грамматики с пунктуацией, отчего речь его звучала довольно невнятно. Вдобавок при этом Бен еще любил ходить кругами, отчего у Эбби начинала кружиться голова.

– ...а потом папа повел нас есть мороженое и я выбрал шоколадное а в парке было полно уток я дал им хлеба а потом лебедю но у меня больше не осталось и я подумал что он будет плакать но папа сказал что они едят арахис для мозгов а он был вот такой здоровенный и прыгал а потом я нашел камешек он до сих пор у меня я тебе покажу круто а потом...

– Просто замечательно, – вставила в этот словесный поток Эбби, направляясь к Саманте, которая теперь тоже встала с дивана. – Ну здравствуй, детка.

Они обнялись. Объятиями матери и четырнадцатилетней дочери – несколько неуклюжими, скованными и далеко не удовлетворяющими.

– Привет, ма, – отозвалась Сэм. – Как долетела?

Этот вопрос опять вызвал в голове у Эбби образ мистера Пота.

– Ужасно, честно говоря, – болтало всю дорогу. Хорошо наконец оказаться дома. А как вы провели время у папы?

– Нормально. – В отличие от брата, Сэм предпочитала изъясняться в телеграфном стиле. Хотя идеально с точки зрения грамматики.

– Было что-нибудь интересное в школе?

– Да нет, вообще-то... О, какой-то большой босс из полиции сегодня приходил, читал нам лекцию про наркотики. Наверное, ты его знаешь. – Сэм ненадолго примолкла. – Забыла, как его фамилия.

– Смотрю, он произвел на тебя большое впечатление. Хорошая была лекция?

Дочь пожала плечами.

Эбби вздохнула и бросила взгляд на Стива.

– Спасибо, что забросил их сюда.

– Да ладно...

Выражение лица у него было странным – тоже чем-то из прошлого. Он уже очень давно так на нее не смотрел. На коленях у него лежал фотоальбом – их свадебный альбом. Так вот что он показывал детям, когда они вернулись домой...

– Строишь старые фотки? – спросила Эбби.

Стив опустил взгляд на альбом и резко захлопнул его.

– Ну да, гм... Сэм захотелось. А я помню, где ты держишь альбомы. Надеюсь, ты не против.

Вообще-то это было далеко не так. Ей не понравилось, что Стив рылся в ее вещах. Но она жутко устала и еще неважно соображала, а он и в самом деле очень помог ей с детьми, так что Эбби просто улыбнулась.

– Нисколько. – Она повернулась к кухне. – Жутко хочу чашечку чая. Ты тоже будешь, Стив?

Остальную часть фразы – «перед уходом» – Эбби оставила невысказанной.

– Нет, спасибо, – ответил он ей в спину.

Ее любимая кружка стояла на кухонной стойке – не на своем обычном месте. Она потянулась к ней.

За спиной опять послышался голос Стива, вдруг странно настойчивый:

– Эй, погоди-ка, Эбби...

Что странное внутри кружки... Что-то пушистое... Мышь – глазки широко распахнуты, ротик приоткрыт, изготавилась к прыжку! Эбби взвизгнула, выпустив кружку, которая упала обратно на стойку и откатилась вбок. Испуганно отшатнулась, в голове было пусто. Мышь, как ни странно, осталась внутри.

В кухне появились Стив с Беном.

– Прости, мам, – виновато произнес Бен. – Я оттаивал еду для Кренделька и не смог найти обычный пластиковый контейнер.

– Ни хрена себе... – только и вымолвила Эбби. Крендельком звали ручную змею Бена, полоза. Питался тот мышами, которых держали замороженными в холодильнике, рядом с обычной человеческой едой. Поскольку жизнь Эбби представляла собой череду ужасных компромиссов.

– Он хотел положить ее в одну из мисок для завтрака, – объяснил Стив. – Можешь в такое поверить? Но потом я нашел эту надколотую кружку в шкафчике и сказал, что лучше использовать ее.

Ее любимую кружку! Доставшуюся ей от мамы. Превосходная форма, идеальный объем, ободок не слишком толстый и не слишком тонкий. Да, она малость надколота – вот что случается, когда используешь одну и ту же кружку едва ли не каждый день долгие годы. Ее. Любимую. Кружку.

– Все нормально, ма?

– Да, ну конечно же нормально! – Голос Эбби прозвучал настолько колюче, что она подумала, что даже Бен это точно заметит.

Но фигушки. Беспечность юности...

– Знаешь, как папа их называет? – спросил Бен. – Мышанчики. Разве не классно? Почти как то мороженое, «Шоколанчики», только...

– Бен, по-моему, сейчас твою маму надо на минутку оставить в покое, – заметил Стив. – Почему бы тебе не сходить покормить змею?

– Я потом помою кружку, мам, обещаю!

– Нет нужды, – полуобморочно отозвалась Эбби. – По-моему, теперь ты вполне можешь ее использовать.

А ведь это была ее любимая кружка... Теперь уже кружка для оттаивания мышей.

– Прости, – произнес Стив, когда Бен выбежал из кухни. – Я собирался тебя предупредить. Хорошо, что я не дал ему засунуть ее в миску для завтрака, правда?

– Они уже поужинали? – Терпение у Эбби было уже на пределе.

– Угу, я сделал спагетти. Предложил ему разморозить мышь в микроволновке, но он сказал, что ты не разрешаешь.

Стив не уходил. И почему-то продолжал говорить. Он что...

Только теперь Эбби осознала, какое именно у него выражение лица и почему оно кажется таким знакомым. Она не видела такого лица уже много лет. С тех самых пор, как узнала, что у него интрижка. Лицо у него было откровенно виноватым. Стив явно что-то натворил. И мыши тут были совсем ни при чем.

Сложив руки на груди, она посмотрела на него.

– Мне нужно тебе кое-что рассказать... – нерешительно начал он.

– Так-так...

Стив взглянул себе за спину, словно чтобы убедиться, что никого из детей нет поблизости, а потом понизил голос:

– Сэм спрашивала у меня, зачем ты летала в Северную Каролину.

Желудок у Эбби завязался узлом.

– И что ты ей сказал?

– Сказал то же самое, что ты сказала мне, – что это связано с каким-то полицейским расследованием.

– Хорошо.

– Но она... Знаешь ведь, как она умеет? Типа как говорит все правильные вещи, и делает такую странную мордашку, и постоянно... Ну, не знаю. Постоянно вынуждает тебя говорить? И она может заставить тебя рассказать все что угодно... По-моему, у нашей дочери – сила джедая.

– Нет у нее никакой силы джедая, – процедила Эбби сквозь стиснутые зубы. – Что ты ей рассказал, Стив?

– Вроде сказал, что ты родилась в Северной Каролине, – с несчастным видом произнес Стив.

– Та-ак...

– И что когда ты была маленькой, с тобой случилось что-то ужасное. Я решил, что это вполне могло быть причиной, почему ты туда отправилась, так ведь? Тот мемориал Уилкокса...

Эбби шлепнула ладонью по стойке.

– Ты сказал Сэм, что я родилась в секте Уилкокса?! – прошипела она.

– Нет! Как только я понял, что она ничего про это не знает, то сразу заткнулся, клянись! Но с того момента она стала какой-то таинственной и постоянно просила показать старые фотки. – Он беспомощно раскинул руки. – Я всегда считал, что ты детям про это рассказывала. Ты говорила, что все им расскажешь, когда они станут постарше.

Эбби отвернулась. Слезы, до сих пор лишь грозившие появиться, наконец навернулись на глаза.

– Я им еще не рассказывала.

– А вообще-то давно надо было, Эбби!

Вот и резкая перемена стратегии и тона. Нет больше виноватого Стива. Теперь перед ней стоял покровительственный, наставительно выговаривающий Стив. О господи, момент не самый подходящий... Только не на кухне, только не рядом со всеми этими острыми ножами.

– Я расскажу им, когда сочту нужным, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

– Я не люблю держать что-либо в секрете от своих...

Эбби резко повернулась к нему, и ее взгляд заставил его захлопнуть рот. Отлично. Она явно по-прежнему способна управлять ситуацией.

– И правда прости, Эбби, – наконец произнес он, еще раз.

Это напомнило ей, насколько она всегда *терпеть не могла* бесполезные извинения Стива.

– Хорошо, – сказала Эбби. – Я все улажу.

– Ладно. – Последовала короткая пауза. – Клянись, она настоящий рыцарь-джедай! Типа, «это не те дроиды, которых вы ищите», а я...

– Спасибо, что завез детей, Стив, – ледяным тоном произнесла Эбби.

– Угу. Спокойной ночи.

Она услышала, как Стив прощается с детьми, как открывается и закрывается входная дверь. А потом испустила прерывистый вздох. Прямо сейчас ей точно не помешала бы чашка горячего чая.

Только вот сначала придется выбрать новую любимую кружку.

Глава 6

Твит от шефа детективов нью-йоркского управления полиции появился ровно в половине восьмого вечера. Гусеница заметил его всего три минуты спустя.

На вид совершенно невинный – того рода случайный твит, на который какая-нибудь «сонная Алиса» не обратила бы ни малейшего внимания. Он гласил: «Айда молодцы сотрудники нашего подразделения по борьбе с наркотиками! Что ни делаЮт, все у них получается. На нынешних выходных ими задержаны девять человек, подозреваемых в наркоторговле».

Но, естественно, это сообщение явно имело отношение к тому аресту, который изначально привлек внимание Гусеницы. И когда он внимательно изучил его, то сразу нашел в нем две ошибки. «Ай да» было написано слитно, а в слове «делаЮт» буква «ю» оказалась прописной. Две ошибки в одном коротеньком твите.

Конечно, допустить грамматическую ошибку может каждый. Сам Гусеница в этом плане был ничуть не лучше. Но предполагается, что он поверит, будто начальник нью-йоркских детективов способен допустить сразу *две* ошибки в одном и том же сообщении для публики? Это ведь тот, у кого есть люди, *единственная* задача которых заключается в том, чтобы проверять его публичные заявления на предмет грамотности и всего прочего!

Эти ошибки – явно намеренные. Сигнал.

Гусеница возбужденно открыл вкладку с форумом, собравшись было разместить в нем новый пост, но почему-то замешкался.

Общеизвестно, что и на этот форум успели проникнуть вражеские агенты. Здесь были ветки, в которых обсуждалась и эта проблема – порой даже с прямыми обвинениями в адрес того или иного участника. Если б Гусеница разместил информацию о своем открытии слишком рано, раскрыв себя клике, они быстренько сменили бы курс, оставив лишь туман на своем пути.

Нет, это может быть слишком важно.

Вместо этого он открыл приватный чат, в котором участвовали лишь считанные Стражи. Группа, которую они сформировали всего пару месяцев назад и которой Гусеница безоговорочно доверял. Там он дал ссылку на твит, указал на странные ошибки и спросил у остальных, что они по этому поводу думают.

Времени было 19:38.

* * *

В комнате Денниса пахло немытыми ногами, плесенью и протухшей едой. Он хотел открыть окно, но куча наполненных бумагами коробок не давала к нему подойти. Папа уже говорил, чтоб он убрал их куда-нибудь еще, но это было три дня назад, и этого до сих пор не произошло. Равно как не произойдет и в ближайшем будущем, понимал Деннис. Когда его отец куда-нибудь клал свои вещи, то там они и оставались. Вроде горы газет у изножья его кровати. Или путаницы проводов у него на столе. Или кучи пустых пенопластовых контейнеров у него за спиной.

Деннис сидел за своим письменным столом, сгорбившись над лэптопом. Справа от него громоздилась гора коробок, набитых его старыми игрушками, которые отец отказывался выбросить. Слева – высокая стопка буклетов и брошюр, которую он иногда случайно сшибал на пол, и они постепенно рассыпались по всей комнате. У него имелось, по его собственным прикидкам, одиннадцать дюймов свободного пространства, в пределах которого он мог перемещаться.

Деннис давно уже привык сидеть сгорбившись.

Один из его старых друзей разместил в «Инстаграме» свое селфи в «Вендис»⁴ в компании парней из класса. Большинство из них были друзьями и Денниса, когда он был помладше. Теперь ему уже четырнадцать, и они больше не разговаривали с ним и не писали эсэмэски. И когда же одноклассники начали избегать его? Лишь многозначительно переглядываясь между собой, когда он их куда-нибудь приглашал?

Уже год, это точно. Если не два.

Он закашлялся коротким сухим кашлем – от пыли в комнате першило в горле. И чем это так воняет? Это просто сведет его с ума! Наверняка не чем-то одним.

В одном из чатов выскочило новое сообщение. В чате из другой его жизни. Его интернет-жизни, где никто ничего не знал ни про него самого, ни про его отца. Где никто никогда не видел его дом, заваленный всяким мусором двор и его собственную комнатку с неуклонно уменьшающимся пространством. Никто даже не знал, сколько ему лет. Для них он был еще одним Стражем с ником «Соня».

Это была их приватная группа, а возбужденное сообщение поступило от Гусеницы, такого же Стража. Тот кое-что обнаружил. Две грамматические ошибки в одном твите. Интернет Денниса подпрыгнул до небес. Он был полностью согласен с заключением Гусеницы. Это просто *не могло* быть случайностью!

Но тут, в отличие от своей комнаты, Деннис вполне мог навести порядок. Найти закономерности и взаимосвязи, которые за этим прятались. Он был хорош в этом деле. Насколько ему было известно, никто не мог его в этом превзойти.

В этом твите было явно зашифровано некое послание. Адресованное каким-то людям, не видимым для остальных. И в чем же оно заключалось?

Он прогнал твит через несколько дешифраторов, пытаясь выяснить, нет ли здесь какого-нибудь простого кода, но ничего не обнаружил. Затем сосредоточился на двух словах с ошибками. Это были слова, которые шеф детективов по какой-то причине выделил.

«Айда». «ДелаЮт». Ну и что такого особенного в этих двух словах?

Деннису срочно требовалось отлить. Туалет был дальше по коридору, всего в нескольких шагах от обычного мира. Но у себя дома ему приходилось осторожно отодвигаться вместе с креслом на колесиках, чтобы выбраться из-за стола. Потом обойти вокруг сумок с одеждой, пытаясь не поскользнуться на валяющихся на полу буклетах. Открыть дверь – вообще-то она не открывалась во всю ширь, ее подпирала какая-то коробка, – но достаточно, чтобы протиснуться за нее. Потом пройти по коридору, плотно прижимаясь к левой стене, поскольку правая была заставлена пустыми картонками из-под молока и яиц. Если он их повалит, отец разволнует – придется останавливаться и восстанавливать порушенное и только потом идти дальше. Затем отодвинуть пухлую стопку газет, блокирующую дверь туалета, перекрыв при этом коридор, но наконец добравшись до цели.

Впрочем, пока можно потерпеть.

«Айда». «ДелаЮт»...

В этих словах были зашифрованы какие-то другие слова. И он в конце концов расшифровал их, приведя хаос к порядку.

Айдахо и Юта. Два штата.

Деннис запостил ответ в чате группы. Он расшифровал скрытое послание! Это произошло в 19:43.

⁴ «Вендис» (англ. Wendy's) – американская сеть ресторанов быстрого питания, принадлежащая The Wendy's Company.

* * *

Альма не верила в теории заговора. Они ей представлялись полным идиотизмом. Стронники плоской Земли? Все эти психи, которые покупаются на меняющих облик человеко-рептилий Дэвида Айка⁵? Нет уж, в такую чушь она в жизни не поверит.

Стражи ее тоже ничуть не интересовали. Поначалу. Пока она не узнала про тех детей.

Все началось, когда Альма посмотрела тот документальный фильм про торговлю детьми с целью сексуальной эксплуатации. Она тогда всю неделю проплакала, думая об этом. А потом, когда поговорила с одной из других матерей в школьном попечительском совете, та упомянула про клику, тайно правящую миром, объяснив, что за большей частью такой торговли стоит именно эта кучка могущественных людей и что все это «происходит прямо у нас перед носом». Альма лишь закатила глаза, но ее подруга улыбнулась и сказала: «Можешь не верить мне на слово. Сама проводи кое-какие исследования».

Вот это-то Альму и зацепило. Ну кто в наш день и век станет предлагать тебе самой составить суждение хоть о чем-то? Все хотят, чтобы вы переняли их собственное мировоззрение, их собственный образ мыслей.

Так что она провела свои собственные исследования. Этой загадочной клики, прозванной Кругом, и Стражей. Нашла и видео на «Ютьюбе», и статьи со схемами и графиками, и лекции. Альма неделями проводила по пять-шесть часов в день, изучая вопрос, пытаясь самой во всем разобраться. И, к своему ужасу, поняла, что все это чистая правда.

Но оставался и лучик надежды. С этим можно бороться. Бок о бок с другими людьми, знающими, как все обстоит на самом деле.

...Она закончила наводить порядок после ужина, пытаясь не обращать внимания на спор сына с мужем касательно игры в «Иксбокс» по вечерам. Блямкнул ее телефон, потом еще раз. Альма глянула на экран, прочла сообщения от Гусеницы и Сони.

Юта и Айдахо? Это ей кое о чем напомнило.

Она подошла к компьютеру. Ее дочь смотрела обучающий ролик о приготовлении «лизуна». Вот уж и вправду вершина цивилизации – все эти достижения в компьютерах, видео, интернете, и все это, чтобы ее дочка могла проводить время, пытаясь научиться делать «лизуна» в домашних условиях! Как будто без этого «лизуна» просто жизнь не мила, а это не та дрянь, от которой всеми силами желаешь избавиться.

– Детка, мне нужен компьютер.

– Видео уже скоро закончится.

Про «скоро» даже и речь не шла. Оставалось еще добрых семь минут.

– Мне он нужен по важному делу.

– Это тоже важно.

Альма резко вдохнула через нос.

– А ну-ка вылезай из-за компьютера! *Живо!*

Дочка выбралась из-за стола и неистово затопала прочь. Расположившись за компьютером, Альма открыла свой собственный документ. Естественно, защищенный паролем. У Круга есть хакеры, которые могут украсть у вас любые файлы, и Альма не хотела рисковать.

Она ввела пароль и изучила список. Юта и Айдахо... В Юте две недели назад в торговом центре пропала девочка. Шесть недель назад в Айдахо не вернулся из школы мальчик.

Два пропавших ребенка... И теперь агент Круга смутно намекал на эти случаи.

⁵ Дэвид Вон Аик (р. 1952) – английский профессиональный конспиролог, бывший футболист и спортивный комментатор. С 1990 г. посвятил себя исследованию того, «что и кто на самом деле управляет миром». Заговор человекоподобных рептилий – еще не самая задвинутая из его теорий.

Так ведь это же послание клиентам Круга! Людям, которые покупают детей для секса! Это и объясняло, почему использовалась такая публичная платформа, как «Твиттер».

Сердце ее гулко билось в груди, когда она копировала ссылки на обе новости и вставляла их в чат группы под своим собственным ником – «Красная Королева». Произошло это в 19:48.

* * *

Закари сидел перед своим ноутбуком в купальном халате. Нормальную одежду он не надевал уже три дня – вот вам еще одно преимущество статуса безработного. Ел картофельные чипсы, и маслянистые крошки падали с губ и пальцев на его голый живот, пока он пересматривал только что смонтированное собственными руками видео.

На экране стонала женщина, на которую сзади наваливался мужчина. Мужчина был порноактером. Закари было вообще-то до лампочки, кто это конкретно. А женщиной была Натали, которая четыре года назад сидела через проход от него в школе, на уроках английского языка и литературы.

Натали ничего не знала про это видео. Вообще-то, если б у нее кто спросил, она бы не припомнила, чтоб у нее вообще был секс с этим мужчиной. Потому что его и не было.

Ролик был продуктом того, что сейчас принято именовать «дипфейк» – технологией видеомонтажа с подменой лица персонажа. Закари создал его, используя первую попавшуюся порнуху и несколько фото Натали, найденных в школьном выпускном альбоме и на ее странице в «Инстаграме».

На сегодняшний день это была лучшая из его работ.

У него имелось нечто подобное для всех девушек, ходивших с ним в школу. Для некоторых он создал даже по несколько таких видео.

Однажды, когда Закари закончит формировать свою коллекцию, он отправит эти ролики всем парням из школы. А может, и самим девчонкам. И их родителям. Это будет его величайшая месть этим сукам за то, как они обходились с ним в школе.

Когда его уволили с работы, он только и делал, что создавал такие вот ролики да еще проводил свои собственные исследования касательно Круга – этих сволочей, которые контролировали все и вся. Закари знал, что стараниями Круга его и выгнали с работы. Некоторые из Стражей были с этим согласны. Клика постоянно способствует увольнениям. У нее явно есть свои причины увеличивать уровень безработицы. Для них он не более чем статистика. Цифра в их долбаной ведомости.

Но он выведет их на чистую воду. Получит свое возмездие.

И опять-таки: Закари был чуть ли не готов поблагодарить этих тварей. Сидение дома побудило его открыть свое собственное дело. Скажем, какого-то парня бросила подружка и он злится. А всего-то, что от него требуется, – это отправить Закари пару фоток, и тот соорудит для него такое видео, что пальчики оближешь. Бывшая подружка бедолаги сразу с двумя мужчинами. Или с шестью мужчинами. Или с женщинами. Без разницы. Как только чувак расплатится, Закари поставит товар. А за небольшое дополнительное вознаграждение еще и выложит видео на кучу порносайтов.

Месть – куда более выгодное дело, чем работа в «Уолмарте»⁶.

Его телефон постоянно пищал. Подобрал пальцами несколько крошек с живота, Закари один за другим облизал их. А потом, все еще посасывая пальцы, проверил сообщения. По словам его друзей в группе Стражей, Круг дал сигнал своим клиентам-педофилам, что на продажу выставлены два ребенка. На потребу всяким психам. Вопрос только, где и когда. С «когда» все

⁶ «Уолмарт» – одна из крупнейших сетей супермаркетов в США.

просто. На форуме бурно обсуждалось некое событие, которое должно произойти 9 января – то есть прямо на следующий день, в 11:00. Скорей всего, именно это.

Но вот где?

Он заглянул в ленту этого копа в «Твиттере». Ну вот: сидит там, гад, прямо сейчас, онлайн, видимый всему миру, а никто и пальцем не пошевелит!

И тут глаз его упал на предыдущий твит того же полицейского босса, размещенный всего двумя часами ранее. «Приходите сегодня в школу имени Христофора Колумба поговорить об опасностях наркозависимости! Дети – наше будущее!»

И опять грамматическая ошибка... «Христофор» вместо Христофора. И этот твит размещен ровно двумя часами ранее. Два часа. Два ребенка. Плюс в самом конце твита – слово «дети». Пару месяцев назад Закари на этот счет даже не задумался бы, но теперь он знал, как эта публика общается между собой. Уже познакомился с их кодами.

Возбужденно колотя по клавиатуре, он написал остальным из группы. Всего их было пятеро – Гусеница, Красная Королева, Соня, Бармаглот и, естественно, он сам. Закари выбрал себе лучший ник – Шляпник. Как в исполнении Джонни Деппа – крутого, опасного, жутковатого типа, а не того тупого жирного сморчка из диснеевского мультлика.

Место установлено. Школа имени Христофора Колумба.

Школа. И прямо в городе, ни больше ни меньше. Закари призадумался. Вспомнил свою собственную школу. Школьных девиц и то, как они с ним обходились. Подумалось: интересно, в школе Христофора Колумба все то же самое? Малолетние девки там точно так же задирают носы?

Представил себе, как врывается туда. Пинком распахивает двери, его друзья – за ним. Да! Губы его скривились в улыбке.

«Надо этим заняться», – написал Закари.

Из динамиков – последний стон, лицо Натали застыло в экстазе. Время в углу монитора – 19:56.

* * *

Сердце Гусеницы глухо колотилось в груди, когда он возбужденно набирал текст на телефоне. Они взломали шифр! Поняли смысл послания.

Школа... Типичная стратегия Круга – извращенная и бесчеловечная. Зазвать клиентов-педофилов в школу, полную детишек. Наверняка чтобы возбудить у тех аппетит перед собственно продажей, а потом взвинтить цены. Пожалуй, Круг даже предложит и что-нибудь сверх программы – какого-нибудь ребенка прямо из школы за солидное вознаграждение. От такой публики можно ждать чего угодно.

Это была выпадающая всего раз в жизни возможность сдернуть маску с Круга. Если получится сорвать продажу, спасти детей – а может, и захватить агента, который намеревается их продать, – тогда все увидят, что Стражи всю дорогу были правы.

Полицию ни в коем случае нельзя ставить в известность. Полиция у Круга в кармане. Черт, да само это послание исходит от начальства нью-йоркского управления полиции!

Можно запостить все это на форуме, но тогда клика узнает, что именно они выяснили, и отменит затеянное, переместит детей в какое-то другое место.

Нет, Шляпник прав. Они должны заняться этим сами. Школа всего в паре часов езды. Надо будет завтра с утра туда скататься, все разведать. Может, и кто-то из группы к нему присоединится... Все они жили практически в одном районе – это был один из плюсов данной конкретной группы. Ячейки Стражей, живущих достаточно близко друг от друга, чтобы лично помочь кому-то из своих, если понадобится.

Гусеница спросил их мнения. И Шляпник, и Красная Королева оба сказали, что готовы вписаться. Его взгляд остановился на сумке на полу. Со стволами. Просто для подстраховки.

Они расшифровали тайное послание, и у них уже был план.

Часы показывали 19:59. Прошло менее получаса с того момента, как шеф нью-йоркских детективов опубликовал твит про тот арест.

Глава 7

Сэм лежала на животе на кровати, опершись подбородком о правую руку. Смотрела на Киблс, свою собаку – белого померанского шпица. Та напряженно приникла к полу, не сводя глаз со щели под комодом, – и так уже добрых десять минут. Сэм знала, что та высматривает. Пять дней назад, когда Сэм лакомилась у себя в комнате «Эм-энд-эмс», одна красная горошина упала на пол и укатилась под комод. И с тех самых пор Киблс все высматривала ее – видать, в надежде, что та выкатится обратно. До сих пор этого не случилось. Но Киблс умела ждать.

Как это часто случалось, Сэм жалела, что она не собака, с чисто собачьими проблемами. Основные заботы – когда в следующий раз накормят, скоро ли поведут гулять и что затевает ее заклятый враг – пылесос.

И вместо этого ломала голову над тем, что же такое ее родители держат от нее в секрете.

Она уже какое-то время понимала: что-то такое все-таки есть. Если проявлять внимательность, начинаешь подмечать всякие незначительные на первый взгляд мелочи. Вроде той секунды молчания и якобы незаметного обмена взглядами, когда она спросила бабушку про биологических родителей мамы. Или того, как мама машинально коснулась шрама на шее, стоило задать ей какой-то вопрос про ее детские годы. Или когда Сэм вдруг понадобились детские фотки родителей для школы и нашлись они только у папы.

А недавно стало происходить и кое-что другое. В последнее время Сэм трижды просыпалась посреди ночи из-за маминых криков. Каждый раз это был якобы дурной сон, который, как упорно уверяла мама, она совершенно не запомнила. Или мама закрывается в ванной, и если как следует прислушаться, то слышен ее плач.

И что бы это ни было, Сэм знала, что присутствующие в ее жизни взрослые явно от нее что-то скрывают. Ходят на цыпочках вокруг чего-то, о чем нельзя упоминать.

Вот в том-то все и дело! Когда никто ничего не говорит, когда от тебя утаивают правду, тогда каждая ужасная мысль, каждое самое дикое предположение становится полнейшей реальностью. А вдруг мама не хочет рассказывать про своих биологических родителей, потому что они умерли от какого-нибудь генетического заболевания – такого, какое недавно обнаружилось и у нее самой? Может, маму и вовсе не удочерили – ее похитил дедушка, и полиция в итоге поймала его? Сэм каждый вечер часами проигрывала в голове такие вот кошмарные сценарии, рисуя и раскрашивая их, пока не начинала чувствовать себя так, как будто грудь вот-вот раздавит тисками.

И тут еще эта поездка в Северную Каролину... Еще в тот момент, когда мама впервые упомянула о ней, Сэм почуяла что-то неладное. Для начала: с каких это пор мама стала выезжать за пределы штата ради каких-то полицейских расследований? А стоит об этом как следует подумать, то с каких это пор мама вообще участвует в каких бы то ни было расследованиях? В Нью-Йоркском управлении полиции мама отвечает за подготовку специалистов по урегулированию кризисных ситуаций. Конечно, ее и саму привлекают к урегулированию возникающих кризисных ситуаций, но не к полицейским же расследованиям! Все это дурно пахнет.

Киблс внезапно напряглась, наверняка отреагировав на что-то, что сделала призрачная горошина.

При виде предостерегающе поднятого розового хвоста собаки Сэм ухмыльнулась. Она выкрасила его в розовый цвет пару месяцев назад, и результат оказался настолько восхитительным, что она не стала ничего менять. Однажды Сэм даже подумывала украсить его и блестками, но мама устроила истерику, заявив, что блестки в итоге будут рассыпаны по всему дому. Наверняка она была права, но это явно того стоило бы.

– Киблс! – позвала собаку Сэм.

Та крутнулась на месте так, как умела лишь Киблс, – полный разворот на сто восемьдесят градусов за какую-то миллисекунду. А потом запрыгнула на кровать, пыхтя Сэм в щеку и тычась в нее влажным прохладным носом.

Сэм почесала ее за ухом.

– Кто у нас хорошая девочка? Кто? Кто у нас очень хорошая девочка?

Киблс завороченно уставилась на нее, явно озадаченная вопросом. Кто-то в этой комнате – хорошая девочка. *Очень* хорошая девочка... И кто же это может быть?

– Это ты! Ты у нас хорошая девочка!

Киблс исполнила небольшой танец, виляя хвостом и радостно вывалив язык. Ну конечно же, это она – хорошая девочка! Это лучший исход, на какой можно было только надеяться.

Сэм лишь вздохнула. Вот была бы она собакой...

Если у нее и были какие-то подозрения касательно поездки в Северную Каролину, то они сразу раздулись как на дрожжах, стоило упомянуть про них папе. Тот почти сразу же отвел взгляд, засуетившись так, как это делал Бен, стоило маме застукать его на том, что он притаскивает своего мерзкого паука туда, куда не разрешается. Оставалось лишь как-то добыть из него правду.

Неоднократно насмотревшись на то, как это делает мама, Сэм уже знала все приемы. Повторяла последние слова, сказанные папой. Задавала ему бесконечные открытые вопросы – предполагающие не просто «да» или «нет», а сразу несколько вариантов ответа. И у Сэм имелись и свои собственные приемы, каких у мамы не было. К примеру, если сказать папе, что он делает что-то лучше мамы, он моментально начинает говорить. Это вроде волшебства. «Ого, па, ты готовишь спагетти гораздо лучше мамы!», и бам! – получаешь в ответ десятиминутную лекцию о том, как какой-то его приятель из колледжа научил его правильно готовить спагетти – весь секрет в базилике и чесноке для соуса, – и что, конечно же, у мамы есть другие отличные качества, которые никогда не упоминались конкретно. И с этого момента тебе остается лишь аккуратно направлять разговор в нужную сторону.

Это заняло у Сэм меньше часа. Итак, мама родилась в Северной Каролине. И что-то там с ней случилось.

Поскольку никакой конкретики не последовало, ей пришлось опять позволить своему воображению заполнить пробелы. Она глянула на часы. Еще не так уж и поздно. Бен наверняка еще не спит, а при нем мама не станет разговаривать. Придется подождать, пока он не уснет. Поскольку сегодня вечером Сэм твердо вознамерилась получить кое-какие ответы. Наконец-то выяснить, что произошло с мамой много лет назад.

Глава 8

Дорожная сумка, полная далеких, болезненных воспоминаний, стояла на полу. Эбби долго смотрела на нее, а потом подняла на обеденный стол и открыла.

На самом верху лежало то, что наконец попало к ней в руки, – газетная статья с портретом отца. Он стоял, улыбаясь, в окружении цветочных букетов – вроде как довольно высокий, статный мужчина с окладистой бородой и густыми бровями. Глаза мягкие, добрые. Подпись под фото гласила: «Дэвид Ричардсон, владелец местного цветочного магазина «Волшебный сад».

Эбби попыталась вызвать любые воспоминания о нем. Может, припомнится, как он ее обнимал? Или тот момент, когда они вместе подстригали цветы для букета? Так ничего и не проявилось. У нее были такие живые и яркие воспоминания о детстве, но отец каким-то образом ускользал сквозь трещины в сознании, не оставив после себя практически ничего.

После выхода из дома Нормана Льюиса в Северной Каролине Эбби уже в пятый раз перечитала статью. Это была коротенькая заметка – такого рода, какую и ожидаешь от местной газетки, – восхваляющая яркие букеты и добрый нрав Дэвида. Журналист упомянул, что Дэвид женат и имеет одну дочь. Во время очень короткого интервью ее отец цитировал Библию, и эту цитату она очень хорошо знала. «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут»⁷.

Любимая цитата Моисея Уилкокса в его проповедях.

Отложив статью в сторону, Эбби осторожно вывалила содержимое сумки на стол. Книгу о секте Уилкокса тоже отодвинула в сторонку. А потом рассортировала документы на несколько отдельных стопок. Показания свидетелей и протоколы допросов – в одну, всякие газетные публикации – в другую; в третью стопку попали полицейские рапорты.

Стопка отчетов о вскрытии оказалась самой высокой.

Эбби пересчитала их. Пятьдесят девять, как и говорил Норман. Изучила имена на каждом из отчетов. Однозначно опознаны были только тридцать три человека. Джордж Флетчер оказался пятым снизу. Отчета о вскрытии другого Джорджа не имелось.

Начала она с протоколов допроса трех выживших. «Абихейл Ричардсон» – значилось на верхнем. Это было имя, которое выбрал для нее Моисей Уилкокс, и от него по коже у нее поползли мурашки. Никто уже много лет не называл Эбби именем, данным ей при рождении. То есть никто, пока два месяца назад она опять не повстречала Иден.

Быстро пробежав взглядом несколько строчек расшифровки беседы с самой собой, Эбби попыталась припомнить, как все это происходило. Напечатанные на бумаге слова не пробудили никаких воспоминаний, никаких эмоций. Она в основном отмалчивалась, время от времени что-то односложно отвечая. При беседе присутствовал социальный работник, который через какое-то время прервал беседу. Продолжения не последовало.

Эбби перевернула страницу, и из-под нее вывалились несколько фотографий, застав ее врасплох. Она попыталась поймать их – неуклюже ухитрилась ухватить одну, слегка смяв ее. Снимки были частью отчета, в котором приводились полученные ею травмы. Фото, которое она держала в руке, представляло собой заснятый крупным планом ожог у нее на затылке. Наклонившись, Эбби подобрала два других снимка. На одном из них – ее протянутые к объективу руки ладонями вниз, все расцарапанные, просто живого места нет: результат частого и грубого мытья рук, принятого в секте Уилкокса.

На третьем фото – она в детстве, в отделе полиции: сидит, опустив голову и сложив руки на коленях, глядя в никуда. Из-под золотистых волос торчит оттопыренное ухо, отчего вид у нее еще более беспомощный и потерянный. Никакой официальной ценности это фото не

⁷ Мф. 6:28; здесь и далее библейские цитаты приводятся в синодальном переводе.

представляло – оно документально не фиксировало никаких физических повреждений, и вроде не было никакой причины, почему оно попало в отчет. Как будто фотограф, засняв ее раны, уловил другую, более глубокую рану и тоже попытался ее задокументировать.

Положив эти фото на стол, Эбби открыла самую толстую папку в стопке. Исходный полицейский рапорт. Она пролиستала его. Пятнадцать страниц, описывающих ту сумбурную ночь. В общих чертах. И толстый коричневый конверт. Плотно запечатанный несколькими полосками клейкой ленты. В какой-то момент Норман наверняка решил удостовериться в том, что никогда не откроет его. Эбби подержала конверт в руке, ощущая его вес и уже предполагая, что в нем обнаружит.

Вскрыв его, она осторожно покопалась внутри – пальцы скользнули по глянцевой бумаге. Опять фотографии. Эбби вынула их.

На первой было то, что осталось от большого помещения, – сплошные руины, дым и пепел, завивающиеся в воздухе. И тела. Десятки изломанных, обгоревших тел повсюду. Следующее фото оказалось даже еще хуже – обгоревший до неузнаваемости труп крупным планом, скорчившийся в углу. А потом третий снимок, с горой из нескольких тел возле закрытой двери. На следующем – смутно узнаваемая в черном силуэте пара, запечатленная в том, что могло быть последним объятием...

Эбби затолкала фото обратно в конверт, испустила долгий прерывистый вздох, глаза ее наполнились слезами. Черт бы все это побрал!

Нельзя позволить прошлому так вот подкрасться к ней! Придется поработать с этими бумагами, заставляя себя отделять документы от своих воспоминаний, своего горя и чувства вины. А для этого требовался кофе. Времени уже начало одиннадцатого, а впереди у нее три или четыре часа работы.

Пройдя на кухню, Эбби приготовила себе целую колбу кофе, прекрасно зная, что позже пожалеет об этом. Закончив ночные труды, она всегда пыталась заснуть, но обнаруживала, что разум ее по-прежнему в полной боевой готовности. И в конце концов все-таки засыпала в половине шестого утра – лишь для того, чтобы почти сразу же проснуться от звона будильника. А потом весь день чувствовала себя как в аду, выслушивая бесконечные шуточки своего напарника Уилла о ходячих мертвецах.

Но альтернативой было не пить кофе, и это звучало совсем уж не весело.

Возвращаться за обеденный стол не хотелось. Эбби так и чувствовала, как стопки бумаг на нем маячат у нее за спиной. Так что осталась на кухне и, налив себе чашку кофе, потягивала его маленькими глотками, глядя в окно. По тротуару шлепал мелкий дождик. Эбби позволила себе ни о чем не думать, заполнив свой разум шумом дождя. Застыть в блаженной неподвижности, ненадолго отрешиться от всего.

Но надолго отогнать все эти мысли не вышло, и вскоре они опять пролезли в голову. Что-то в фотографиях, которые она видела, не давало ей покоя. Что-то, что не билось с оставшимися у нее с той поры воспоминаниями, противоречило им. Что именно? И где другой Джордж? Уж не он ли годами притворялся Исааком? Зачем ему это делать?

Достав свой телефон, Эбби открыла в мессенджере свою переписку с «Исааком». Длинную, с сотнями, а может, даже тысячами сообщений в обе стороны. За последние недели она уже несколько раз прокручивала чат от начала до конца, перечитывая сообщения, ужасаясь и морщась от отвращения – наконец осознав, сколько информации выдала этому самозванцу, думая, что общается с другом детства. И теперь, узнав правду, окончательно поняла, что информация шла практически только в одну сторону. Она рассказывала ему о своей жизни, а он утешал ее, расспрашивал о подробностях, почти ничего не рассказывая о себе. Идеальный слушатель. Надо было понять это еще много лет назад. В конце концов, будучи полицейским переговорщиком, она ежедневно занималась тем же самым. Узнав правду, и Эбби, и Иден попытались связаться с этим другим Исааком, самозванцем. Но он уже понял, что они это

выяснили. Ведь они сами предупредили, что приедут повидаться с ним, в конце-то концов. И понял, что произойдет, как только они встретят настоящего Исаака, после чего просто игнорировал все их сообщения.

Эбби захотелось подтолкнуть его, выбить из колеи, заставить подать голос, поэтому она отправила ему изображение мемориального камня. Затем добавила текст: «Одного имени не хватает».

Минуту подождала хоть какой-то реакции, но ничего не произошло. Сообщение было отправлено, но не имелось никаких признаков того, что он его вообще видел.

Отложив телефон, Эбби повернулась обратно к столовой, и сердце у нее дрогнуло от страха, когда она мельком увидела стоящую там фигуру.

О боже, это всего лишь Саманта...

Ее дочь стояла рядом со всеми этими вещами из скрытого прошлого Эбби. С кипой бумаг в руках.

Нет, нет, нет...

– Сэм? – тихо позвала Эбби.

Саманта подняла голову от страницы, безучастно встретив ее взгляд. Эбби пришло в голову, что она не слышала ни скрипа двери, ни обычно громких шагов дочери. Неужели Сэм намеренно бесшумно прокралась из своей спальни?

– Вот уж не знала, что община Уилкокса имела какое-то отношение к наркотикам, – ровным голосом произнесла Сэм, кладя газетную вырезку, которую читала, обратно на стол – одну из тех статей, освещающих массовое убийство в секте, которые Норман вырезал и хранил все эти годы. – В смысле... То есть я понимала, что они сделали что-то, что привлекло внимание копов, но никогда особо об этом не задумывалась.

– Сэм... уже поздно. – Эбби подошла к столу.

– Я хотела поговорить. Про твою поездку, – отозвалась та, опуская на стол остальные бумаги. Расшифровку беседы с Эбби – Абихейл, состоявшейся много лет назад. Фотографии семилетней Абихейл. Сэм явно сосредоточилась на документах, которые только что просматривала Эбби. Но, по крайней мере, не успела залезть в конверт.

Эбби оказалась на словесном минном поле. Другой родитель на ее месте попытался бы солгать, или изобразить гнев, или прикинуться дурачком. Но у Эбби сработали инстинкты переговорщика. Если вам нечего сказать, то в большинстве случаев лучше всего просто промолчать. Так что вместо всяких слов она взяла отчеты о вскрытии и аккуратно уложила их вместе с коричневым конвертом обратно в сумку. Что бы дальше ни случилось, ей не хотелось, чтобы дочь смотрела на все эти фото обугленных человеческих тел.

– Это ты, верно? – Сэм постучала пальцем по снимку.

– Да, – тихо ответила Эбби. Сэм и раньше видела ее фотографии в детстве, хотя и не в столь раннем.

– Ты жила в общине Уилкокса.

Эбби встретила с ней взглядом.

– В секте Уилкокса. Я была одной из выживших.

– Раньше тебя звали Абихейл?

– Да.

– Почему ты изменила имя?

– Так назвал меня Моисей Уилкокс, когда я родилась. Я начала ненавидеть это имя. – Эбби ненадолго задумалась. – А кроме того, учителя в школе постоянно неправильно произносили его, и дети смеялись надо мной. Я спросила бабушку, можно ли мне его изменить, и она согласилась.

– Сколько тебе было лет? – Сэм сохраняла невозмутимое выражение лица, но Эбби было не одурочить. За этим спокойным фасадом явно назревал ураган.

– Семь, в ночь пожара, – сказала Эбби.

– Семь, – эхом повторила Сэм. – Ты всегда говорила мне, что тебя удочерили еще младенцем. Что ты не помнишь своих биологических родителей.

– Дважды! – не сдержавшись, выпалила Эбби.

– Что?

– Я говорила тебе это не *всегда*. Я говорила тебе это всего лишь дважды.

Это было легко вспомнить. Потому что всегда легко вспомнить, когда именно ты так нагло соврал своему собственному ребенку. Это вам не какая-то там безобидная ложь вроде того, что Санта все равно попадет в дом, даже если у вас нет дымохода. Это та ложь, которая, как ты знаешь, уже не укладывается ни в какие рамки. О которой, как ты знаешь, тебе однажды придется горько пожалеть.

– Не все ли равно, два раза или двадцать? Ты позволяешь мне думать... – Сэм закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Явно едва сдерживаясь. – Почему ты не сказала мне правду?

– Сначала ты была слишком мала, а потом...

– Нет. Не вешай мне лапшу на уши! Все-таки есть способы рассказать об этом маленьким детям. Например, ты могла бы сказать: «Мама выросла в плохой семье». – Сэм изменила голос, имитируя слащавый, покровительственный тон. – «Но потом однажды ночью случился пожар, и мама сбежала, а дедушка с бабушкой удочерили ее, и все они были счастливы, потому что мама наконец нашла семью, которая полюбила ее».

– Ладно, – сказала Эбби. Горло у нее сжалось.

– Ты рассказала мне, как дети появляются на свет, когда мне было всего четыре годика! Ты могла бы найти способ объяснить и это. Ты ведь вроде неплохо владеешь словом.

– Я не хотела говорить об этом.

– Тогда давай поговорим об этом сейчас. – Сэм скрестила руки на груди.

– Хорошо, но давай-ка на полтона ниже. Я не хочу, чтобы Бен проснулся.

– Не то, не дай бог, он услышит правду.

– Сэм, прошу тебя...

– Ладно, хорошо, – уже тише произнесла дочь.

– Я родилась в секте Уилкокса, – начала Эбби. – Мы называли это Семейей. Моих родителей завербовали в конце семидесятых. Вскоре после вступления в секту они поженились. Лидера секты, как ты, вероятно, уже знаешь, звали Моисей Уилкоккс.

– Почему ты сказала «завербовали»? Это же не армия.

– Люди почти никогда не *присоединяются* к секте. Их вербуют. Ими манипулируют, и они постепенно втягиваются. – Заметив нечто в глазах у Сэм, Эбби добавила: – Я понимаю, как это звучит... Ты думаешь, что любой, кто присоединяется к секте, тупой на всю голову. Но это очень далеко от истины. Лидерам культа не нужны тупые люди. Им нужны умные люди, благодаря которым все колесики будут исправно вертеться. Твоя биологическая бабушка была педиатром, а твой дедушка – инженером.

– Это было... типа... ужасно?

– Для некоторых. Но только не для меня. Хотя кое-что из этого было не слишком-то хорошо... Постоянные проповеди, и Моисей Уилкоккс заставлял нас все время мыть руки. По несколько часов. Пока руки у нас не начинали кровоточить.

Глаза Сэм расширились, на них навернулись слезы.

– Но я любила этих людей, – продолжала Эбби. – И секта дала мне цель. Так что все было не так уж плохо.

– Какого рода цель?

– Сэм, я не думаю, что нам следует обсуждать все это прямо сейчас...

– Какого рода цель, мам?

Эбби вздохнула.

– Я должна была вырасти и выносить отпрысков Мессии. Считалось, что у них будут крылья и они защитят нас во время грядущего апокалипсиса.

Вид у Сэм стал уже совсем бледный.

– Мессии... ты имеешь в виду Моисея, верно? Он собирался использовать тебя как какую-то племенную, гм... – Губы у нее задрожали.

– Да, но он никогда даже не прикасался ко мне, – поспешно ответила Эбби. – Полиция узнала о наркотиках. Была осада, а потом вспыхнул пожар. И все погибли в огне.

Некоторые истины могут оставаться скрытыми навсегда. Сэм никогда не узнает, что как раз *ее мать* заперла на засов помещение, в котором находилась вся община, – следуя распоряжениям Моисея Уилкокса. И что это была ее вина, что никто не смог выбраться, когда начался пожар.

Эбби вымученно улыбнулась дочери.

– А потом дедушка с бабушкой удочерили меня и все были счастливы, потому что мама нашла семью, которая полюбила ее.

Сэм не стала улыбаться в ответ.

– Я спрашивала папу, зачем ты летала в Северную Каролину, и он мне не сказал. И знаешь, однажды я еще поинтересовалась у него, как так вышло, что тебя удочерили, и он ответил: «Спроси у мамы».

– Я сказала ему, что, когда ты станешь постарше...

– И еще бабушка однажды откровенно солгала мне. Я спросила ее, какой ты была в младенческом возрасте, и она сказала, что ты была очень милым ребенком.

– Послушай, Сэм...

Та сжала кулачки.

– Ты не просто соврала мне! Ты и всем остальным велела врать! От тебя я вполне могла бы ждать лжи. Но от папы... И от бабушки...

Эбби почувствовала себя так, словно Сэм врезала ей под дых.

– Ты говоришь так, как будто я лгу тебе каждый день, – дрожащим голосом произнесла она.

– Ну почти.

– Я не лгу. Не считая...

– Я спрашиваю, как прошел твой день, и ты говоришь, что все было отлично, но я-то вижу, что это далеко не так! Я спрашиваю, почему вы с папой расстались, и ты говоришь, что вы просто разлюбили друг друга, а это чушь собачья – даже папа рассказал мне о своем романе! Когда у дедушки случился сердечный приступ, ты сначала сказала мне, что у него грипп...

– Ладно! – Эбби хлопнула ладонью по столу. – Я лгу, хорошо? Да, я не идеальна. Иногда я лгу.

Сэм с отвращением уставилась на нее, по щеке у нее скатилась слеза. А затем она молча развернулась и ушла.

– Сэм!

Дочь закрыла за собой дверь своей спальни. Даже не хлопнула ею. Не закатила истерику. Все было по-настоящему.

Глава 9

Средняя школа имени Христофора Колумба представляла собой мрачное угловатое сооружение, напомнившее Гусенице его собственные школьные годы. Оранжево-коричневые стены, окна с толстыми железными решетками и пыльными стеклами... У тех немногих учеников, которых ему удалось мельком углядеть, был тот несколько ошалело-пришибленный вид, который приходит с осознанием того, что каникулы остались позади.

Он несколько раз объехал вокруг школы, изучая обстановку. Три этажа; окна на нижнем этаже зарешечены. Входов несколько, но все они закрыты. Школьный двор и баскетбольная площадка на задах огорожены проволочной сеткой.

Отъехав на пару кварталов, Гусеница подрулил к тротуару. Заглушил мотор и достал свой телефон. В чате накопилось несколько новых непрочитанных сообщений, и он быстро просмотрел их. Красная Королева и Шляпник уже были где-то неподалеку. Гусеница набрал ответ, сообщив им, где находится, и попросив подойти к своей машине. Лишний раз напоминать им о необходимости соблюдать осторожность и убедиться, что за ними не следят, не было нужды.

Стал ждать, внимательно изучая улицу и то и дело заглядывая в зеркала заднего вида. Казалось, что сейчас он выставлен на всеобщее обозрение, – какая жалость, что стекла у него в машине не тонированные! Любой из прохожих мог оказаться соглядатаем Круга или агентом, который каким-то образом следил за ним. Поборов инстинктивное желание пригнуться, Гусеница откинулся на спинку сиденья, делая вид, будто возится с радио. Есть! В его сторону двигалась какая-то пара. Мужчина указал на его машину, женщина кивнула, и они ускорили шаг. Рука Гусеницы потянулась к карману, ощущая успокаивающее присутствие пистолета.

Мужчина открыл переднюю пассажирскую дверцу и скользнул внутрь, женщина присодинилась к ним на заднем сиденье.

– Круг не сможет добраться до нас, – произнес мужчина.

Гусеница сглотнул, в горле у него пересохло.

– И не сможет остановить того, что надвигается, – закончил он кодовую фразу за собеседника.

– Гусеница? – Мужчина протянул руку. – Я Шляпник.

Это было странно – наконец-то лично встретиться со Шляпником. В каком-то смысле они уже были очень близкими друзьями. Общались друг с другом в чате чуть ли не каждый день. Шляпник был одним из самых сильных людей, которых он только знал. Уволенный с работы без видимой причины и сталкивающийся с одной несправедливостью за другой, он все же сумел встать на ноги, и теперь у него была прибыльная работа независимого видеоредактора. Он был верен их делу и хорошо знал, кто его друзья. И кто его враги.

– Рад в конце концов нормально познакомиться. – Гусеница пожал ему руку.

Хватка у Шляпника оказалась железной – он явно принадлежал к тем людям, которые уверены, что протянутую руку надо стискивать изо всех сил. Это был крупный дородный детина с коротко стриженными волосами, с толстой и влажной нижней губой. И выглядел моложе, чем предполагал Гусеница, – пожалуй, всего лет на двадцать с небольшим. Когда Шляпник наконец отпустил его руку, она была липкой.

– А ты, значит, Красная Королева, – сказал Гусеница, оглядываясь назад.

На форуме та частенько казалась робкой и неуверенной, но Гусеницу было этим не обмануть. Когда они обсуждали то, что Круг творил с детьми, Королева приходила в ярость. Ее описания того, что она сделала бы с этими людьми, если б смогла их найти, нередко вызывали у него улыбку.

Он неловко вывернул руку, чтобы обменяться с ней рукопожатием, и женщина на заднем сиденье ухватила его за два пальца, несколько напряженно улыбаясь. Она оказалась примерно его возраста, лет сорока пяти, – блондинка, с носом на удивление маленьким и острым, как крошечный карандаш. Ярко-красная помада на губах, жемчужные серьги, массивное жемчужное ожерелье...

– Просто не могу поверить, что мы наконец-то встретились, – произнесла она. – Можете называть меня просто Альма.

* * *

Альма улыбнулась Гусенице. Лицо у него было доброе, и она сразу почувствовала облегчение. Незадолго до этого встретившись со Шляпником, Альма была едва ли не напугана его резкой и враждебной манерой держаться и беспокоилась, что Гусеница окажется таким же. Но тот выглядел чуть ли не лапочкой – пушистые каштановые волосы и теплые карие глаза.

Гусеницу она знала больше года, и у них было много душевных бесед. Несмотря на то что на форуме он вел себя жестко, Альма знала, что душа у него добрая. Не так давно от него ушла жена, разбив ему сердце. Он отказывался говорить об этом, но она чувствовала, как сильно это его задело. Наверное, теперь, когда они наконец встретились, можно было бы помочь ему открыться, снять камень с души.

– Знаешь, – пробурчал Шляпник, – мы используем прозвища не просто так. Называть нам свое настоящее имя – глупо и неосторожно.

– Извини, – машинально отозвалась Альма. – Но я хочу сказать... Теперь, когда мы наконец встретились лично, я уже вижу, кто вы такие. И могу доверять вам. Не похоже, чтобы вы оказались агентами Круга.

– Дело не в этом, – отрезал Шляпник. – А что, если они схватят нас? И станут пытаться? Мы ведь не сможем выдать то, чего не знаем, верно?

– Ты прав, я про это не подумала, – кратко ответила она.

Он был абсолютно прав, но ему не стоило так к этому придирааться. Ей не нравился Шляпник, хотя Альма изо всех сил старалась этого не показывать. Его посты на форуме всегда были немного жутковатыми. Всякий раз, когда они разоблачали женщину-агента Круга, он называл ту словом на букву «п». И однажды сказал об одной из них, что она «заслуживает, чтобы ее изнасиловали». Кто-то сказал ему, что это уже переходит всяческие границы, и Шляпник возразил, что раз уж Круг так поступает с детьми, то его прихвостни, разумеется, заслуживают того же. Это переросло в очень шумный спор, и больше он такого не говорил. Но все же Альма помнила это.

– Я проверил школу как раз перед вашим приходом, – сообщил Гусеница.

– Угу, – буркнул Шляпник. – Я тоже мимо прошелся. И буквально только что сказал Альме, что нашел просто-таки идеальный наблюдательный пункт.

– Наблюдательный? – удивленно переспросил Гусеница. – Разве мы не идем внутрь?

– Они нам не дадут, – сказал Шляпник. Голос его прозвучал резко, а изо рта вылетела капля слюны, шлепнувшись на приборную панель, чего он вроде даже не заметил.

Они продолжали спорить друг с другом, и Альма чувствовала себя исключенной из разговора, сидя на заднем сиденье машины. Она была полностью согласна с Гусеницей. Эти бедные детишки прямо сейчас находятся в школе. Альма представила себе, как они, напуганные, плачут по своим матерям, не зная, какая ужасная судьба может их ждать. Сердце у нее сжалось, будто тисками. Нет! Надо войти внутрь. Нельзя допустить, чтобы эти дети страдали даже на секунду дольше, чем это необходимо!

– Я тоже думала, что мы туда зайдем, – полушепотом произнесла она.

– Послушайте, как я уже говорил, входная дверь закрыта и на ней домофон, – нетерпеливо сказал Шляпник. – Они не впустят нас, сколько бы мы ни звонили. Боковые двери будут заперты. Лучше подождать, пока не появятся педофилы.

* * *

Засунутые в карманы руки Шляпника сжались в кулаки. Что-то в голосе Альмы задело его. Не хватало еще, чтобы и здесь на него кто-нибудь нудел! И зачем эта тупая овца назвала им свое имя? Неужели она думает, что все это какая-то игра?

Он оглянулся на нее. Да и одета как старая бабка. Жемчужные серьги, мешковатый свитер... Фальшивого вида ярко-красная помада, которая ничуть не делает ее краше.

Шляпник всегда думал, что Красная Королева намного моложе. Он представлял ее примерно своего возраста и типа как красоткой вроде той цыпочки из фильма Тарантино. Ему нравилось общаться с ней на форуме, пусть даже некоторые его замечания вызывали у нее раздражение. Но встреча с ней в реальной жизни обернулась разочарованием.

– Педофилы могут быть уже внутри школы, – сказал Гусеница. – Наконец-то у нас есть четкая инфа. Предлагаю зайти и слегка осмотреться. А если нас не впустят, можно найти подходящее место и подождать.

Гусеница, по крайней мере, вел себя как профи. Шляпник окинул его долгим взглядом. Мужик казался резким и сосредоточенным. Они оба были одними из самых опытных Стражей на форуме, и Шляпник был рад, что этот человек будет прикрывать ему спину. Тем не менее не похоже на то, чтобы кто-то тут успел назначить его боссом.

– Послушай, я не против войти, но как мы собираемся это проделать? – спросил он. – Постучим в дверь и попросим впустить нас?

– Ну, можно просто держаться поближе к входной двери, – объяснил Гусеница. – Готов поспорить, люди постоянно входят и выходят. Как только кому-нибудь откроют, все, что от нас требуется, это спокойно войти внутрь вслед за остальными. Вряд ли нас кто-нибудь остановит.

– Не слишком-то похоже на план, – продолжал сомневаться Шляпник.

– Открой-ка бардачок, – распорядился Гусеница. – Там есть кое-что для вас обоих.

Шляпник нахмурился, затем откинул крышку. Потребовалось мгновение, чтобы понять, на что он смотрит. Глаза его расширились. Два пистолета! Он взял один, ощутив его внушительный вес.

– О нет, – выпалила Альма у него из-за спины. – Нам это не понадобится!

Шляпник достал другой пистолет, держа по одному в каждой руке. Представил, как идет по коридору, вооруженный до зубов. За ним, в ногу, – Гусеница и Альма. Все разбегаются, когда они втроем целеустремленно шагают по школе в поисках педофилов, сдуру оказавшихся на линии огня.

– Это на самый крайний случай, просто для самозащиты, – сказал Гусеница. – Мы же не знаем, сколько их там.

– Да! – выдохнул Шляпник. Сердце у него учащенно забилось, челюсти сжались в напряженной улыбке. – Да, хорошо, давай так и поступим.

Глава 10

26 СЕНТЯБРЯ 1988 ГОДА

Запах жареной курицы, казалось, пропитал всю квартиру, дразня Нила – нашептывая истории об этой хрустящей корочке, сочном мясе внутри, соленой картошечке...

В животе у него заурчало, и ему, как и каждый день, захотелось, чтобы его отец поскорей вернулся домой.

Это было странное, мучительное правило. Нилу не разрешали перекусывать днем, чтобы он не испортил себе аппетит перед ужином. Но они не могли сесть за стол без отца. Ужинать полагается только всей семьей. Хотя никто не знал, когда появится его отец. Иногда он возвращался домой к пяти, а в другие дни приходил только после девяти вечера.

– Мама, – жалобно произнес Нил. – Очень есть хочется.

– Твой папа скоро будет дома, – с улыбкой отозвалась мать.

– Можно мне хоть немножечко?

– Нет, я хочу, чтобы мы поели все вместе.

Он никак не мог этого понять. Во время еды они никогда не разговаривали. Может, разве что папа попросит маму передать ему соль. Или мама прикрикнет на него самого, чтобы он сидел прямо и не горбился. Но, конечно, это совсем не то, что мама имела в виду.

– Но, мам...

– Может, еще немного почитаем, пока ждем папу?

– Хорошо, – мгновенно согласился он, пока она не передумала.

– Давай сюда. – Мать похлопала по дивану рядом с собой.

Нил запрыгнул на диван, сразу привалившись к ней. Был только один правильный способ почитать вместе мамой – уютно устроившись у нее под мышкой, когда она еще крепче прижимала его к себе, окутывая своим теплом. Мать наклонилась к столу и, взяв книгу, перелистнула несколько страниц.

– На чем мы в тот раз остановились? – спросила она.

– Когда Алиса стала очень маленькой, а потом убежала от щенка. – Нил прикрыл глаза, представляя себе Алису, пробирающуюся сквозь высокие стебли травы. Он всегда мог живо вообразить себе все, что читала ему мама.

– Ну да, точно.

Найдя нужную страницу, мама начала читать. Алиса только что встретила гусеницу, которая курила кальян.

– А что такое кальян? – тут же спросил Нил.

– Это такая штука, которую курят.

– Как сигареты?

– Нет... Больше похоже на трубку, – неопределенно ответила мама. Откашлявшись, она продолжила чтение: – «И вот наконец гусеница вынула кальян изо рта и обратилась к ней томным, сонным голосом...»

– А что значит томным?

– Ну, вроде бы как вялым.

– У гусеницы была слабость? Она болела?

– Нет, я так не думаю.

– Наверное, она разболелась, потому что курила. В школе говорили, что от сигарет можно заболеть.

– Наверное. А теперь дай-ка мне почитать. «Кто ты?» – спросила гусеница».

Мать изменила голос, изображая гусеницу, сделала его густым и раскатистым. Дрожь восторга пробежала у него по шее. Это было то, что он больше всего любил, когда мать читала

ему, – как она изображала разные голоса. Нил уже и сам умел читать, но пока это было трудно, и у него не получалось подражать всяким голосам, как у мамы.

Мать продолжала читать – Алиса и гусеница разговаривали друг с другом. Голос Алисы был писклявым и детским, а у гусеницы походил на голос учителя физкультуры Нила.

А потом, посреди этого разговора, вошел папа. И сам воздух в комнате, казалось, вдруг изменился.

Иногда, раз в неделю или две, папа приходил домой жутко злой. Вот и сейчас Нил сразу понял это по тому, как тот захлопнул за собой дверь и бросил свою сумку на пол. А также по тому, как напряглась мама.

– Привет, милый, – сказала она, и голос у нее прозвучал почти как у Алисы в книге. Слишком уж высоко и пискляво. Не похоже на обычный мамин голос. – Рада, что ты дома, – ужин уже готов.

Он проигнорировал ее слова, войдя в кухню. Нил услышал, как открылся холодильник, а затем – резкое шипение, когда папа открыл банку пива.

Мама встала и молча посмотрела на Нила. Тот инстинктивно понял, что с ужином придется еще немного подождать. И что, наверное, сегодня вечером они все-таки не будут есть его вместе, как одна семья. Она прошла вслед за отцом на кухню.

– Как дела на работе? – услышал Нил ее вопрос.

– Меня уволили.

– Почему?

– очередное сокращение. Но все это чушь собачья! Никаких сокращений не было. Это *они* хотели, чтобы я убрался! Вот что происходит, когда человек настаивает на технике безопасности. Им это не нравится. Я слишком усложнил им жизнь.

Нилу был уже хорошо знаком этот тон. Он не знал, кто такие «они», но папа всегда рычал, когда произносил это слово. Иногда «они» хотели увеличить налоги. Или превращали район в помойку. Или повышали арендную плату, потому что «они» были слишком жадными.

– Может, завтра тебе стоит поговорить со своим начальником, – сказала мама. – Скажи ему, что...

Вдруг какой-то приглушенный стук. Резкий крик мамы. Нил забился в угол дивана.

– Все кончено! – выкрикнул папа. – Ты хочешь, чтобы я приполз к ним обратно, позволил им переступить через меня? Именно это, по-твоему, я должен сделать?

Мама ничего не ответила, а папа продолжал кричать на нее. Нил не мог этого вынести. Он схватил книгу, побежал в свою комнату и, закрыв за собой дверь, спрятался в своей кровати под одеялом. Даже из-за закрытой двери он все еще мог слышать приглушенные крики своего отца. *Они* кинули его. *Они* хотели унижить его. Но он не доставит *им* такого удовольствия.

Нил был в ужасе от *них*. Он закрыл глаза, прислушиваясь к словам своего отца и пытаясь представить, кто же они такие, но так и не смог. Это не было похоже на истории, которые читала ему мама, – на образы, которые он мог легко вызвать в своем воображении. *Они* оставались в вечной темноте, превращая страну в ад, нанимали нелегальных иммигрантов, крали средства к существованию у честных людей, разрушали телевидение и превращали Рождество в способ отнять у людей деньги.

Пытаясь заглушить крики отца, Нил открыл книгу и начал читать вслух, с усилием произнося каждое слово.

«Кто ты?» – спросила гусеница.

Глава 11

Эбби уставилась затуманенным взором на свой монитор, жалея, что не сказалась больной. Прошлая ночь оказалась даже еще хуже, чем она изначально предполагала. После разговора с Сэм она все-таки просмотрела привезенные с собой бумаги, но никак не могла ни на чем сосредоточиться – все продолжала думать о том, что ей следовало сказать дочери во время их разговора, или о том, что должна была сказать перед тем, как отправиться в эту поездку, или даже еще задолго до того. Много лет назад. Призрак Прошедшего Рождества, видимо, все еще витал и в январе, и за неимением скупых богатых стариков вроде дядюшки Скруджа предпочел помучить картинками прошлого ни в чем не повинную Эбби. После нескольких часов чтения полицейских отчетов и протоколов допросов она засунула все бумаги обратно в сумку и отправилась в постель. Где провела еще несколько бессонных часов, планируя и оттачивая свой утренний разговор с Сэм.

Но, как оказалось, совершенно без толку. Когда утром Эбби проснулась, проспав от силы пару часов, дочь уже ушла – оставив записку, в которой говорилось, что ее подбросят в школу родители ее подруги Фионы. Попытки дозвониться до нее оказались безуспешными.

Так что Эбби лишь вздохнула и решила, что нынешним утром все равно не сможет нормально поработать, несмотря ни на что. Порылась в своей сумке и достала коричневый конверт. Вынула из него фотографии и еще раз перебрала их.

Прошлой ночью она уже проделывала это несколько раз, и хотя на них все еще было больно смотреть, теперь это было вполне терпимо. Эбби не спеша просмотрела их одну за другой, пытаясь обнаружить то, что смутно обеспокоило ее прошлой ночью. Может, это был кто-то, кого она узнала на этих фотографиях? Или что-то на них недостающее?

Дойдя до фото тел, сваленных перед закрытой дверью, Эбби остановилась.

Закрытая дверь... В голове ярко вспыхнула картинка той ночи.

Дверь всего в паре шагов – Абихейл уже тянется к засову, чтобы выпустить их.

Внезапно рука у нее на плече – отдергивает ее назад, резко разворачивает.

Она кричит от злости и страха, пытается вырваться.

И тут оглушительный взрыв – ударная волна отбрасывает ее в сторону. Вдруг жгучая боль в затылке, пламя поглощает их обоих...

Дверь буквально взорвалась. Она вспомнила, как оглянулась через плечо. Увидев вырвавшееся из-за нее пламя, Исаак оттащил ее назад.

Эбби достала из своей сумки схему места происшествия – большую, с указанным методом триангуляции местоположением каждого из тел в столовой и в кухне. Четыре тела лежали у задней двери столовой, в каких-то дюймах друг от друга.

Задняя дверь, ведущая в кухню...

Ну конечно! На кухню из столовой вела еще одна дверь, через которую заносили еду и выносили грязную посуду. И рядом с ней – бесформенная куча тел. Люди пытались выбраться. Но не смогли. Дверь была заперта.

В последние недели, с тех пор как вспомнились события той ночи, ей казалось, что она заперла паству Уилкокса в помещении, из которого не было другого выхода. Но все-таки был еще один выход, и кто-то другой запер его. По всей вероятности, сам Моисей Уилкоккс – как раз перед тем, как поджечь кухню. И все обитатели общины сгорели заживо, за исключением трех выживших детей.

И еще Джордж, чьего имени не хватало на мемориальном камне. И куда же девался этот Джордж?

Может, его там просто не было? Хотя в этом нет ни малейшего смысла. Все были учтены. Пятьдесят девять погибших и трое выживших. Всего шестьдесят два человека.

Вот разве что только погибло не пятьдесят девять человек... На кухне взорвались газовые баллоны, оставив после себя полный хаос. Возможно, судмедэксперт допустил ошибку – большинство вскрытий проводилось в местном морге, а они не приспособлены для того, чтобы иметь дело со столь масштабными бедствиями. Прошлой ночью Эбби уже просмотрела отчеты о вскрытиях, но все шло к тому, что сегодня ей предстояло проделать это еще раз, более тщательно.

Она покачала головой. Мысли путались, трудно было рассуждать связно. Требовалось обсудить это с кем-нибудь еще. Эбби мельком подумала про Иден, но сразу отмела эту идею. Ее выжившим товарищам по несчастью вряд ли захочется опять вспоминать ту ночь.

Нет, нужен кто-то другой. Кто-то, кому она доверяет. Кто-то, на кого она могла бы опереться.

Глава 12

Детектив Джонатан Карвер сражался с кофемашиной у себя в отделе. Та опять засорилась, уже в третий раз за этот месяц. По мнению Карвера, проблемная кофеварка была натуральным проклятием 115-го райотдела – почище одержимости его начальника документооборотом, или мерзкого запаха в мужском туалете, или даже, не поверите, самой преступности во всех ее проявлениях.

Никто, кроме Карвера, эту чертову штуковину не чистил, и это была лишь одна из проблем. Кофемашине уже было по меньшей мере лет двадцать. Карвер все никак не мог понять, почему руководство отказывается заказать новую. Чтобы нормально выполнять свою работу, все копы нуждаются в постоянном употреблении кофеина.

Едва он отсоединил перепускной шланг, в маленькую кухню вошли Диллард и Андерсон.

– Привет, Карвер, – сказал Диллард. – Кофеварка опять накрылась?

Карвер лишь закатил глаза и что-то неразборчиво хмыкнул в ответ. У Дилларда была манера задавать якобы риторические вопросы, на которые, тем не менее, он всегда ждал ответа.

– Так что? Перестала работать?

– Да, Диллард, перестала работать. Ты думаешь, я ковыряюсь с ней чисто ради забавы?

– Вообще-то, нет. Я так и думал, что она опять перестала работать.

Вытащив клапан, Карвер промыл его в раковине, в то время как Андерсон и Диллард стояли у него за спиной, ожидая, когда же волшебный аппарат с живительной жидкостью возобновит работу.

Тут у него зазвонил телефон. Поставив клапан на место, Карвер глянул на экран. Сообщение от Эбби.

Привет.

Он улыбнулся.

Привет:.) Как поездка?

Много непонятного. Можем встретиться сегодня вечером? Мне нужно с тобой об этом поговорить.

Конечно!

Они с Эбби не спешили. Совсем не спешили. Можно сказать, плелись нога за ногу. И хотя ему очень хотелось, чтобы события развивались быстрее, он знал, что сейчас вся жизнь Эбби находится в полном раздрае. Ради нее он был готов ждать, не предъявляя никаких собственных требований. У них уже было несколько свиданий. Она дважды приглашала его на ужин, один раз со своими детьми. Представила его как человека, с которым встречается, покраснев при этих словах. Саманта, ее четырнадцатилетняя дочь, ошеломленно улыбнулась ему, а мальчишка помладше с серьезным видом обменялся с ним рукопожатием.

– ...не хочу, чтобы эти психи болтались вокруг школы, – говорил тем временем Андерсон.

– Какие еще психи? – спросил Карвер, вновь подсоединяя шланг. – «Эм-си-тринадцать» опять пометила ту школу?

Банда под таким названием нацелилась на одну из районных школ, регулярно украшая ее стены цифрой тринадцать, нанесенной краской из аэрозольного баллончика. Начальник отдела приказал патрульным каждый час проезжать мимо, но эти уроды все равно продолжали возвращаться. Это было все равно что отмахиваться от мух.

– Нет, я не про наши школы, – сказал Диллард. – Диспетчер только что получил уведомление от федералов. Эти психованные Стражи решили, что в школе на территории сто девятого отдела торгуют детьми.

– Стражи? – Карвер нахмурился. – Это которым повсюду международный заговор мерещится?

– Угу. Похоже, сегодня утром в их группах было много разговоров на эту тему, и федералы присматривают за ними, – ответил Андерсон. – Они беспокоятся, как бы кто-то из них не объявился сегодня в этой школе. Так что теперь посылают кого-то это проверить. Как будто у нас недостаточно реальных проблем без кучки психов, выдумывающих всякую хрень...

Карвер, нахмурившись, прикрутил заднюю панель машины на место.

– На земле сто девятого, говоришь? Как называется эта школа?

Средняя школа, в которой училась дочь Эбби, находилась как раз на территории 109-го отдела полиции.

– Как там ее? Школа Христофора Колумба? – спросил Андерсон у Дилларда.

Карвер отложил отвертку, вдруг ощутив беспокойство.

– Мне надо идти.

– А как же машина? – заволновался Диллард. – Эй, Карвер, а как же машина?

Но тот уже направлялся к выходу. Может, он и делал из мухи слона. Скорее всего, все это было ни о чем...

Наверняка.

Глава 13

Любой, кто сейчас посмотрел бы на них, решил бы, что это пара родителей, решивших забрать своего ребенка пораньше. Или, по крайней мере, Гусеница на это надеялся.

Они с Альмой стояли перед школой, в нескольких шагах от главного входа. Дубак был просто зверский – пронизывающий холод пробирался за воротник и сквозь обувь, доставляя постоянную ноющую боль. Он пожалел, что у него нет ни шапки, ни перчаток, ни носков потолще. Нос и уши Альмы порозовели, и она безостановочно дрожала.

Сколько уже прошло времени? Пять минут? Десять? Слишком много. Их план не сработал. Он чувствовал себя так, будто торчит тут всем напоказ. Всякий раз, когда Гусеница засовывал замерзшую руку в карман, она натывалась на пистолет, холодный и тяжелый. В машине пистолет заставил его почувствовать себя сильным. А здесь, если бы какой-нибудь коп остановился, чтобы обыскать их...

Они – это пара, ожидающая своего ребенка, напомнил он себе. И это было важно – оно того стоило. Гусеница представил себе похищенных детей, которых держат где-то в этой школе. Наверное, в подвале. И этих отчаявшихся родителей, которые просто ждут вестей о своих детях. Неужели они окончательно потеряли надежду? Что бы они почувствовали, если б Гусеница появился сейчас перед ними с их детьми в целостности и сохранности? Он представил себе их лица, переполненные благодарностью. Свои руки на детских плечах.

В этот момент главная дверь школы открылась и оттуда вышла женщина в угловатых очках, закутанная в тяжелое пальто. Гусеница мгновенно двинулся с места, как будто все это время шел ко входу, стараясь не спешить, даже когда дверь начала закрываться. Его глаза были прикованы к быстро уменьшающемуся проему, который уже превратился в крошечный зазор, в трещину.

Он поймал дверь, просунув пальцы в щель толщиной в дюйм, и улыбнулся женщине. Она нерешительно улыбнулась в ответ. Гусеница был готов к объяснениям, если она спросит, кто он такой. Мол, его сын опять ввязался в драку. Ему позвонили, потребовали забрать его. Эти слова уже были готовы сорваться у него с уст – торопливо, панически.

Но женщина просто еще раз взглянула на Альму и на него и ушла.

Гусеница выдохнул, сердце бешено колотилось у него в груди. Он почти слышал свой собственный пульс, размеренное и быстрое «тук-тук-тук». Толкнул дверь, придерживая ее для Альмы, и она не спеша шагнула за порог.

И тут же рядом возник Шляпник – быстро шагая, одна рука в кармане, он присоединился к ним, и они втроем оказались внутри, позволив двери закрыться за ними.

Гусеница уже довольно давно не видел школу изнутри – залитый белым светом коридор, мрачные коричнево-оранжевые двери классных комнат, ряды шкафчиков...

– Итак, мы на месте, – глухо пробурчал Шляпник. – Куда теперь?

Где бы клика обдeldывала свои делишки? Подвал выглядел вполне подходяще, но, может, они устроят все это в каком-нибудь пустом классе? Хватит ли у них наглости использовать актовый зал? Гусеница и понятия не имел. По какой-то причине он не загадывал так далеко вперед. Предполагал, что, едва оказавшись внутри, они увидят какие-то подсказки. Воровато выглядящих мужчин, куда-то спешащих... Может, заплаканных детей...

Гусеница огляделся, а затем быстро опустил голову, уткнув подбородок в грудь; сердце забилося еще быстрее.

– Камеры, – прошептал он. – Не показывайте свои лица.

– Непохоже, что здесь что-то происходит, – заметила Альма. – Может, нам стоит выйти обратно на улицу?

– А чего ты ожидала? – буркнул Шляпник, голос которого вновь приобрел ту резкую, агрессивную интонацию. – Вывески с надписью «Педомаркет вон в той стороне»?

Надо было продолжать двигаться.

– Камеры наблюдения, – произнес Гусеница. – Если мы сможем просмотреть картинки с камер, то, пожалуй, сумеем их найти.

– И как мы это сделаем?

– Надо найти кабинет секретаря. Готов поспорить, они следят за этим оттуда.

– Да ну? И они просто позволят нам их просмотреть?

– Можно попробовать. Если нас попросят уйти, мы уйдем.

Гусеница поискал глазами кого-нибудь, чтобы спросить, где находится кабинет секретаря. Например, кого-нибудь из учеников. Сердце у него не переставало размеренно колотиться в груди, и казалось, будто каждый удар отдается вибрацией где-то в самой школе. Словно ровный и мощный барабанный бой.

* * *

Бум... бум... бум... Четкий ритм барабанов уже давно сотрясал музыкальную комнату, когда Саманта коснулась смычком струн своей электрической скрипки. Они играли в течение всего последнего часа – все члены рок-группы прогуливали уроки, чтобы выкроить драгоценное время для репетиций. Работали они над своей кавер-версией «Блэк Бетти», одной из любимых песен Сэм. Обычно, когда они репетировали, ее разум был полностью поглощен музыкой; все ее бесконечные мысли и тревоги исчезали, уступая место ритму и мелодии.

Однако нынешним утром голова у нее была слишком переполнена – мысли путались, вставая между ней и музыкой. Она все время пропускала момент своего вступления, выбиваясь из общего ритма.

Ее мать выросла в секте. Секте Уилкокса. И была одной из немногих выживших.

Как им удавалось скрывать это от нее? Папе, маме, ее бабушке с дедушкой... Все эти годы! Все те разы, когда она спрашивала о биологических родителях своей мамы, получая уклончивые ответы или откровенную ложь.

Ритм барабанов изменился, став хаотичным, темп устремился вперед в такт лихорадочным мыслям Сэм. Культ религиозных фанатиков. Ночь пожара. Ее мама, совсем еще ребенок, посреди всего этого...

Она уже просмотрела по диагонали книгу о секте Уилкокса, которую нашла в маминых вещах. А потом еще и погуглила. До прошлой ночи Сэм знала лишь самые основные факты. Существовала некая секта, почти все члены которой погибли. Еще одна ужасная история, вроде Джонстауна или «Ветви Давидовой»⁸. Теперь она знала намного больше – наверное, даже слишком много. О многочисленных женах Моисея Уилкокса. О горячей вере членов секты в то, что приближается конец света и что многочисленные крылатые дети Уилкокса защитят их в последующей священной войне. О ночи пожара.

У мамы был шрам от ожога на задней части шеи. Когда Сэм однажды спросила ее об этом, мама сказала, что она получила его еще во младенчестве – до того, как ее удочерили. Но это оказалось неправдой, так ведь?

– Ну давай же, Сэм!

⁸ Джонстаун – община деструктивного культа «Храм народов», существовавшая на северо-западе Гайаны в 1974–1978 гг. Названа в честь ее идейного главы и основателя Джима Джонса. Поселок получил всемирную известность после того, как 18 ноября 1978 г. в результате т. н. «революционного самоубийства» здесь погибло 913 человек, в том числе более 200 детей; «Ветвь Давидова» – американская религиозная тоталитарная деструктивная секта. Приобрела известность после почти двухмесячной осады ее ячейки на ранчо Маунт-Кармел в штате Техас в 1993 г. Во время неудачного штурма с применением артиллерии и танков вспыхнул пожар, в котором погибли 76 членов секты, в том числе женщины и дети.

Разочарованный вой вернул ее к действительности.

– Простите, – пролепетала она. Фиона и Рэй уставились на нее. Кровь бросилась ей в лицо. – Я отвлеклась.

– Это же твое драгоценное соло, – заметил Рэй.

– Я знаю! Какая-то я сегодня рассеянная...

– Может, попробуем заменить на гитарное соло? – предложил он.

Сэм обменялась взглядами с Фионой, сидевшей за ударной установкой. Та закатила глаза и выставила свою палочку, словно огромный средний палец, нацеленный на Рэя.

– Может, хватит уже про гитарное соло, Рэй? – сказала она. – В нашей версии после соло на барабанах идет соло на скрипке – в этом-то весь и смысл, согласен? Иначе мы просто еще одна тупоголовая группа, переигрывающая все тот же хит сорокалетней давности.

– Фи, заткнись, никто не спрашивал...

– Не пососешь ли, Рэй? – Фиона умудрилась изобразить своей барабанной палочкой крайне непристойный жест. – Может, просто поиграем?

Сэм ухмыльнулась Фионе, которая подмигнула ей в ответ и пощелкала палочками друг о друга, задавая темп. Раз-два-три...

* * *

– Сэр, – с высокомерной холодностью произнесла сидящая за письменным столом женщина. – Ничем не могу вам помочь. Я даже не понимаю, чего вы хотите.

Челюсти Гусеницы крепко сжаты, обе руки в карманах, правая сжимает пистолет. Секретарше, судя по всему, хорошо за пятьдесят – черные с проседью волосы, недовольно поджатые губы. Она могла бы помочь им спасти человеческие жизни одним движением пальца, но предпочла отчитывать его, как будто одного из учеников этой школы.

В окне позади нее ему было видно улицу, на которой они оставили машину. Кабинет располагался на верхнем этаже – его оказалось легко найти, как только один из учеников, которого они расспросили, показал им дорогу.

– Послушайте, говорю же вам... – негромко ответил Гусеница, стараясь держать себя в руках. – Мы отслеживали переписку одной преступной группы, и у нас есть все основания полагать, что они используют именно эту школу...

– Вы из полиции?

– Нет, мэм, мы независимая организация. Нам просто нужно, чтобы вы просмотрели трансляцию с камер наблюдения, и...

– Я сделала это прямо перед тем, как вы вошли. И не заметила ничего необычного.

Она врала? Работала под дурачка? Гусеница подумал о детях, плачущих где-то в этой школе. У него не было времени на всю эту чушь.

– Мы предпочли бы сами судить об этом. Если вы позволите нам взглянуть на изображения с камер, то мы скоро уйдем.

– Если вы хотите увидеть запись с вашим ребенком, вам нужно отправить запрос, и мы свяжемся с вами.

– Может, нам и вправду стоит уйти, – нервно произнесла Альма у него за спиной.

Работала ли секретарша заодно с ними? Или она из тех многих, кем они манипулируют? Как тут разберешь...

– Вы не понимаете – речь идет не о каком-то одном ребенке.

– Тельма, эти люди беспокоят тебя? – послышался низкий хриловатый голос.

Гусеница оглянулся через плечо. В комнату вошел крупный мужчина в коричневой куртке, с подозрением прищутив глаза. Учитель? Или, может, кто-то из школьной охраны? Гусеница ощутил укол паники. Он тоже работает с ними?

– Нет, мистер Рамирес, все в порядке. Я думаю, они уже уходят.

– Да, – сказала Альма.

– Нет уж! – прорычал Шляпник. – Черта с два! – Он обошел стол, нависнув над секретаршей. – Покажите нам эти долбанные картинки с камер!

Она испуганно глянула на него.

– Мне очень жаль, но...

– Показывай! – взревел Шляпник.

– Эй, а ну-ка убирайтесь, черт бы вас... – заорал Рамирес.

Альма что-то крикнула. Гусеница застыл с широко раскрытыми глазами, крепко сжимая рукоятку пистолета в кармане. Шляпник двигался очень быстро – вздетая рука его мелькнула в воздухе, сильно ударив секретаршу по голове рукояткой пистолета. Она ахнула, падая со стула. Рамирес двинулся вперед, всем телом напирая на Гусеницу. Тот вытащил руки из карманов, чтобы защититься, и в одной из них оказался пистолет.

В комнате вдруг оглушительно громыхнуло, и словно что-то дернуло его за руку. Рамирес потрясенно уставился на него, и Гусеница понял, что его пистолет нацелен тому прямо в грудь. Собрался было сказать что-нибудь вроде «Не двигаться!» или «Замри, пока я не выстрелил!». Но нет, было уже слишком поздно.

Мужчина рухнул на пол. Альма громко завизжала; секретарша, по лицу которой стекала струйка крови, стонала на полу; надрывался телефон – и все эти звуки казались после оглушительного грохота выстрела едва слышными.

* * *

Сэм нахмурилась, услышав какой-то громкий звук, не совпадающий с ритмом барабанов. Что это было?

Заставила себя не обращать на это внимания – приближалось ее соло, и не хотелось давать Рэю еще один повод для жалоб.

* * *

– Нет, – бормотала Альма. – Нет, нет, нет...

Телефон продолжал звонить. Шляпник сорвал его со шнура и швырнул на стол, разбив вдребезги. На секунду в комнате стало почти тихо, если не считать причитаний Альмы, а затем послышался истошный крик. В дверях стояла какая-то женщина – широко раскрыв глаза, она заглядывала в комнату, впитывая в себя всю эту картину: стонущая секретарша, лежащий на полу учитель... Потом ее мечущийся по комнате взгляд наткнулся на взгляд Гусеницы – тот уже двигался, его пистолет разворачивался в ее сторону, и она тут же выбежала в коридор, не переставая кричать.

Гусеница опустил на колени рядом с Рамиресом. Глаза у того бессмысленно смотрели в потолок, на губах пузырилась кровь. Губы эти шевелились. Наверное, он пытался что-то сказать. Гусеница его не слышал. Все, что он слышал, – это крики, и истеричный голос Альмы, и свое собственное гулко бьющееся сердце, и этот странный аккомпанирующий ему ритм где-то поблизости.

– Альма, заткнись! – рявкнул Шляпник. – Ребята, смотрите!

Он уставился на монитор секретарши, не обращая внимания на женщину, лежащую у его ног.

Гусеница заставил себя встать. Обалдело подошел к Шляпнику, глянул на экран.

Это была трансляция с системы видеонаблюдения, которую они так отчаянно хотели увидеть. С более чем дюжины камер по всей школе, установленных в коридорах и прочих помещениях.

И все они кишели учениками и учителями, разбегающимися в панике.

* * *

– Сэм, остановись-ка на секундочку! Со звуком что-то не то, – вдруг сказал Рэй.

– Что? – Она приподняла смычок над струнами.

Рэй нахмурился.

– Мне показалось, что скрипка прозвучала, словно...

Их взгляды встретились, и Сэм почувствовала, как в груди расплывается леденящий холод. Теперь они все это слышали.

– ...крик.

* * *

Шляпник шагнул в коридор, глядя на кричащих школьников, пробегающих мимо него. Юная блондинка с недетскими уже сиськами бросила на него короткий взгляд, заметила пистолет у него в руке, и ее смазливое личико исказилось от страха. Она развернулась и побежала в другую сторону. К ней присоединились другие. Все они убегали – в страхе перед ним.

Он улыбнулся. Тот кайф, который он испытал, пристукнув пистолетом ту старую ведьму, лишь нарастал – такого ощущения Шляпник еще никогда прежде не испытывал. Он больше не был беспомощен. Он был единственным, кто контролировал ситуацию.

Вскинув пистолет, он нажал на спусковой крючок.

Бам! Бам! Бам! Каждый выстрел толчком отдавался в руке. Истерические крики, девчонки мечутся влево и вправо, как будто это им помогло бы, если б он решил их завалить. Бам! Бам!

Кто-то схватил его за запястье и отдернул руку с пистолетом в сторону. Шляпник взревел и ударил напавшего на него – услышал хруст, когда кулак попал тому в нос.

Это был Гусеница, который с ошеломленным видом отшатнулся.

– Да ты чё творишь? – захлебнулся он.

– Это предупредительные выстрелы, кретин! – выкрикнул Шляпник. – Я стрелял у них над головами.

– Ты мог в кого-нибудь попасть!

– Кто бы говорил, придурак! А кто того учителя грохнул?

– Это была самооборона! Он напал на меня!

– Да что ты? Ну, ты точно подставил нас со своим...

– Ты настоящий псих, знаешь это? Зачем ты ударил ту тетку?

– Заткнись! – выплюнул Шляпник, пытаясь что-то расслышать сквозь шум орущих детей.

– Я собирался убедить...

– Заткнись, черт возьми!

Челюсть Гусеницы захлопнулась, из носа у него струилась кровь, стекая по губам. Шляпник внимательно вслушивался. Уже? Нет, такого просто не может быть!

Но так оно и было. Перекрывая шум вокруг них, снаружи все громче завывали сирены.

* * *

– Что, черт возьми, происходит? – дрожащим голосом спросил Рэй.

Все они это слышали. Выстрелы, крики... Разжигающие страх, прочно засевший в сердце каждого студента и школьника в этой стране. После каждой новой катастрофы Сэм постоянно обсуждала произошедшее с друзьями и одноклассниками, не в силах выбросить эти мысли из головы. Как бы она поступила, если б такое вдруг произошло? Что в таких случаях *следует* делать? Инструкции постоянно менялись. «Надо бежать». «Надо спрятаться». «Надо запечататься в помещении и ждать помощи». «Помните о том, что любое помещение может оказаться ловушкой, из которой вы не сможете выбраться»... Стоило ли полагаться на то, что учителя защитят их? Вовремя ли появится полиция?

Вопросы, на которые Сэм предпочла бы никогда не искать ответа. Она не хотела, чтобы школа Христофора Колумба оказалась в одном списке с названиями, которые все уже хорошо знали. Вирджинский политех. «Сэнди Хук». Санта-Фе. «Колумбайн». «Стоунмэн Даглас»...⁹

Она подошла к двери.

– Саманта, погоди! – крикнул Рэй.

Сэм подняла руку, чтобы заставить его замолчать. Другого выхода из музыкальной комнаты не имелось. Им нельзя было оставаться здесь. В течение последних нескольких лет инструкции сводились к *бегству*. К необходимости как можно скорее выбраться из здания.

Открыв дверь, Сэм выглянула наружу.

Увидела двух мужчин – оба вооружены, у одного из них по лицу стекает кровь. Другой, крупный, с короткой стрижкой и мясистыми губами, обернулся и посмотрел прямо на нее.

И поднял свой пистолет.

⁹ В апреле 2007 г. в Политехническом институте штата Вирджиния страдавший шизофренией 23-летний студент из Южной Кореи Чо Сын Хи застрелил из нескольких пистолетов 32 и ранил еще 25 человек в общежитии и учебном корпусе, после чего покончил с собой; в декабре 2012 г. в начальной школе «Сэнди Хук» в городе Ньютаун (штат Коннектикут) 20-летний Адам Лэнза, страдавший легкой формой аутизма, вооруженный двумя пистолетами и винтовкой, открыл стрельбу. Жертвами стали 20 детей в возрасте от 5 до 10 лет и 6 взрослых. Перед тем как отправиться в школу, Лэнза застрелил свою мать. Преступник покончил с собой; в мае 2018 г. в результате массового расстрела, произошедшего в одной из школ Санта-Фе (штат Нью-Мексико), погибли 10 человек – 9 учеников и 1 преподаватель. Огонь открыл учащийся школы, 17-летний Димитриос Пагуртис; в апреле 1999 г. в старшей школе «Колумбайн» (штат Колорадо) двое учеников этого учебного заведения – 18-летний Эрик Харрис и 17-летний Дилан Клиболд – застрелили 13 человек и ранили еще 37, после чего покончили с собой. Трагедия получила широкий общественный резонанс и вызвала в США дискуссию об ужесточении контроля над распространением огнестрельного оружия; в феврале 2018 г. в результате стрельбы в старшей школе «Марджори Стоунмэн Даглас» в штате Флорида погибли 17 человек, еще 14 пострадавших были госпитализированы. Преступником оказался 19-летний Николас Круз, ранее исключенный из этой школы за нарушения дисциплины.

Глава 14

Едва только Карвер свернул с Гранд-Сентрал-Паркуэй, как затрещала рация в машине.
– Школа Христофора Колумба, возможна стрельба, возможна стрельба, – донесся из нее голос женщины-диспетчера, холодный и размеренный. Но Карвер различил напряженность в ее тоне.

Сразу же последовал ответ, изобилующий помехами:

– Центральная, три-семь-пять, следую на вызов!

Карвер подхватил микрофон:

– Центральная, дельта-пять-ноль-девять, следую на вызов!

Он ткнул в кнопку включения мигалок, и в отражении заднего стекла запылали знакомые красно-синие вспышки. Несколько раз коротко включил сирену, и машины перед ним раздались по сторонам, позволяя ему кое-как между ними протиснуться.

– Ну давай же, давай! – бормотал Карвер, петляя между ними и крепко вцепившись пальцами в руль. Снова включил сирену, подлетая к перекрестку на красный свет; все его тело уже гудело от напряжения. Быстрый взгляд по сторонам – все вроде чисто, и он промчался через перекресток, услышав позади гудки и визг тормозов – наверное, он недооценил ситуацию, но перекресток теперь остался позади и дорога была свободна, так что можно было наконец втопить педаль в пол.

Двигатель взвыл, и сирена теперь заливалась в полную силу, а рация все хрипела и потрескивала, потому что стрельба продолжалась и уже поступило сообщение о первых пострадавших. Подумав про Эбби и Сэм, Карвер отогнал эти мысли прочь.

* * *

Шляпник поднял руку, направляя пистолет на девушку в дверном проеме, Гусеница застыл на месте.

– Не надо!

Дверь захлопнулась. Шляпник повернулся к нему лицом, рот у него скривился в усмешке. Глаза у Гусеницы слезились, в носу пульсировала боль. Неужели Шляпник сломал его?

– Нам нужно убираться отсюда, – прогундосил он.

– Слишком поздно, – отозвался Шляпник. – Разве сам не слышишь?

Он слышал – ну как тут не услышишь? Вой сирен становился все громче и ближе. И как это полиция появилась так быстро? Прошло-то едва ли с пару минут.

– А ну отойди! – Истощенный крик, откуда-то из кабинета секретаря. Альма.

Гусеница повернулся и заковылял обратно туда, чуть не поскользнувшись на луже крови. Теперь там появился кто-то еще – мужчина, застывший в дальнем конце комнаты. Секретарша стояла на коленях на полу возле телефона, разбитого Шляпником, безвольно держа трубку. Альма беспорядочно мотала пистолетом взад-вперед между мужчиной и секретаршей.

– Положи трубку! – сдавленно выкрикнула Альма. Лицо у нее было бледным, глаза широко раскрыты от страха, рука ходила ходуном.

Гусеница шагнул к ней, направив пистолет на мужчину. Бросил взгляд на дверь, через которую тот только что вошел. Директорский кабинет.

– Ты... – Он старался, чтобы его голос звучал ровно. Во рту стоял вкус крови, обильно текущей из носа. Гусеница вытер губы тыльной стороной ладони. – Стой там.

Мужчина с вялым и бледным лицом прислонился к стене, уже поднимая руки.

Взглянув на секретаршу, Гусеница приказал:

– Вставай!

Та уставилась на него. Изо лба у нее сочилась кровь, а в том месте, куда пришелся удар Шляпника, набухал отвратительный фиолетовый синяк. Казалось, она его не слышала.

– Вставай! – снова рывкнул он, направляя на нее пистолет.

Секретарша вскочила на ноги.

– Иди вон туда. – Гусеница мотнул головой на директора. – Встань у стены.

Он и сам не знал, что делает, но надо было сохранять контроль над ситуацией, пока все не стало еще хуже. Нельзя было допустить, чтобы эти люди кому-нибудь позвонили. Чтобы выдали их местоположение, дали их описания.

Альма тяжело и быстро дышала. Голос ее звучал так, будто она вот-вот расплчется.

– Ну и что теперь делать? – проскулила она. – Что же теперь делать?

У Гусеницы не было на это ответа.

– Шляпник, давай сюда! – крикнул он.

Ответа не последовало.

– Шляпник? – Он выглянул в коридор.

Тот бесследно исчез.

* * *

Уже за квартал от школы движение полностью остановилось. Опять завывала сирена Карвера, машины вокруг него попытались освободить место, но деваться им было некуда. Он загнал свою машину на тротуар и заглушил мотор.

Бронежилет лежал в багажнике, и Карвер быстро надел его, затянув ремни. Десятки глаз смотрели на него из неподвижных машин на дороге, и он заметил несколько мобильных телефонов, направленных в его сторону. Но ничто из этого сейчас не имело значения.

Карвер побежал по улице, едва ощущая тяжесть жилета, упругое уханье сердца в груди и обжигающе холодный воздух, врывающийся в легкие при каждом вдохе. Вскоре заметил всполохи мигалок впереди – патрульную машину, которая прибыла в этот район раньше него.

Из главной двери школы сплошным потоком высыпали дети – лица искажены паникой, испуганные крики далеко разносятся по ветру. Черт, черт! Он еще поднажал, ноги так и замелькали над тротуаром. Портативная рация опять затрещала – диспетчер вызывала подкрепление.

Карвер нажал на тангенту плечевого микрофона.

– Центральный, дельта-пять-ноль-девять, я на месте! – прокричал он, заглушая шум ветра в ушах и боль в легких. – Нужно очистить улицу!

– Принято. Подкрепление уже в пути.

Заметив полицейского в форме у входа в школу, он побежал к нему. Тот кричал на бьющихся в истерике детей, пытаясь навести порядок. Одни слушали его, другие нет. Какой-то парнишка споткнулся, упал, и его чуть не затоптали. Кто-то помог ему подняться на ноги. Карвер оглядел школу, бесконечный ряд окон, выходящих на улицу. В некоторых из них заметил движение.

– Я детектив Карвер! – крикнул он полицейскому, оказавшись в нескольких ярдах от него. – Нужно отвести этих детишек подальше от окон! Собери их вон там!

И махнул на баскетбольную площадку, на которую не выходило ни единого окна.

Патрульный коп – совсем еще молодой человек, на вид лишь немногим старше выбегающих из школы ребят – кивнул и повернулся к толпе.

– Все во двор! – крикнул он, взмахами обеих рук направляя собравшихся в ту сторону.

Несколько ребят и девчонок с заплаканными лицами и потрясением в глазах все так же беспомощно оглядывались по сторонам; с десятков-другой школьников побежали к баскетболь-

ной площадке, но остальные, высыпая из школы, продолжали растекаться по тротуару и даже проезжей части.

Карвер приложил ладони ко рту и опять набрал полную грудь воздуха.

– Эй! – крикнул он. – Прошу всех учителей подойти сюда! Нам нужно собрать всех на баскетбольной площадке. Давайте побыстрей!

Его голос сумел перекрыть крики и вой сирен. В толпе произошла перемена – несколько взрослых повели за собой детей, повинаясь неистовым взмахам рук патрульного.

– Известно, что происходит внутри? – крикнул ему Карвер.

Тот покачал головой.

– Были слышны выстрелы. Я слышал, как дети говорили, что видели кого-то с пистолетом.

Карвер нажал на кнопку микрофона.

– Центральная, дельта-пять-ноль-девять. В школе видели стрелка.

– Принято. Адам-десятый уже в пути.

Позывной «Адам-десять» был у фургона группы быстрого реагирования в этом районе. Экипаж его был обучен справляться с подобными ситуациями. Карвер посмотрел на молоденького полицейского.

– Убедись, чтобы все до единого собрались во дворе. И попробуй очистить улицу. А я пойду помогу отставшим.

Несколько секунд он оглядывал толпу. Очень хотелось хотя бы мельком углядеть там гладкие каштановые волосы Саманты, чтобы немного успокоиться. Но там были сотни школьников, и ее он так нигде и не заметил. Да и времени высматривать у него не было. Бросив последний взгляд на массу спотыкающихся, плачущих ребят и девчонок, Карвер повернулся к входной двери школы.

* * *

Эбби сидела за своим письменным столом, уставившись на фотографии у себя в руке и пытаясь подстегнуть свою память.

– Эбби...

Рядом с ней остановился ее напарник и друг Уилл Верин, нависнув над ней и отбросив свою длинную тень на ее стол. Она смущенно бросила фотографии на стол лицом вниз, отъехала от него на крутящемся кресле и развернулась вместе с ним лицом к нему.

– Уилл, сядь – ты загораживаешь солнце, – с нервной улыбкой отозвалась она.

Он не улыбнулся в ответ, отчего ее собственная ухмылка быстро испарилась.

– У нас ЧП, – сказал Уилл. – Поступило сообщение о стрельбе в школе Христофора Колумба. ГБР уже в пути.

Эбби не сразу удалось осознать сказанное.

– Это же школа Сэм... – практически прошептала она.

Уилл кивнул. Он знал – естественно, он это знал. Вот потому-то и пришел, чтобы сказать ей.

– Есть жертвы? – Она натужно сглотнула. Было трудно говорить. Трудно дышать.

– У нас пока нет никакой информации.

Эбби вскочила со стула – ключи схвачены со стола, все остальное забыто. На ходу набирая номер дочери, она направилась к выходу; сердце гулко билось у нее в груди в такт ускоряющимся шагам. Вызов сразу переключился на голосовую почту.

– Сэм, как только получишь это сообщение, сразу перезвони! – Она дала отбой уже почти на бегу. Надо было поскорей добраться до дочери.

* * *

– Ты что-нибудь слышишь? – прошептала Фиона.

Сэм покачала головой. Стены музыкальной комнаты были обшиты толстой тканью и звукоизолирующим пористым материалом. Обычно Сэм и ее друзья жаловались на ужасную звукоизоляцию, которая, казалось, едва ли не *усиливала* шум за пределами комнаты. Но теперь обитые специальным материалом стены поглощали абсолютно все звуки снаружи.

Сэм приложила ухо к двери. Получится ли что-то услышать? Вообще хоть что-нибудь? Может, вой сирен вдалеке... А это и вправду был крик?

Когда тот человек направил на нее пистолет, она застыла. А потом резко отпрянула, захлопнув дверь. Сэм была уверена, что он бросится за ней. Но мужчина с пистолетом этого не сделал.

Пока что.

Сейчас он вполне мог стоять по ту сторону от двери. Прижимая к ней ствол. В каких-то дюймах от ее головы.

– Не думаю, что там кто-то есть, – прошептала Сэм.

Они были заперты в этой комнате – никак отсюда не выйти. Но на данный момент также находились и в относительной безопасности. Придвинув к двери большой письменный стол и несколько стульев, они втроем присели за горой мебели.

И что же дальше? Что дальше? Припомнились занятия по программе «ЭЛИС»¹⁰. Ни окон, ни какого-то другого выхода... Итак, они должны спрятаться и приготовить что-нибудь, чтобы бросить в стрелка или чем можно вырубить его. Что тут есть подходящее? Гитара Рэя? Тарелки с ударной установки? Ничто из этого явно не годится. На подобных занятиях все они обычно находились в классе. Вот там и вправду имелись всякие вещи, которые можно было бы пустить в ход. Некоторые учителя даже ставили у дверей классов бейсбольные биты, просто на всякий случай. Но в музыкальной комнате таких практических занятий никогда не проводилось. И всегда рядом был учитель, который говорил им, что делать.

И как вообще расшифровывается эта «ЭЛИС»? Эвакуация, локдаун... Припомнить остальное не удавалось. В голове гудело; она едва могла думать.

– Надо сматываться отсюда, – сказала Фиона.

– Ни в коем случае, – прошептал Рэй. – Ждем. Они никак не смогут пробраться сюда.

– Попроутся, если действительно захотят, – заметила Сэм, проверяя свой телефон. Никакого сигнала. В этой комнате телефоны никогда не ловили. Она все равно попыталась дозвониться до мамы, но безуспешно.

– Надо дожидаться копов, – прошипел Рэй.

Было заманчиво притаиться перед дверью, за этой жалкой баррикадой, и ждать помощи. Но тот человек был где-то рядом. Человек со странной, жутковатой улыбкой и смертоносным пистолетом в руке. И он знал, что они здесь, в этой музыкальной комнате.

Скоро придется отсюда уходить.

* * *

– Это полиция! Все на выход! Бегом на баскетбольную площадку! – крикнул Карвер. Его голос эхом разнесся по коридору, сопровождаемый испуганными криками и всхлипываниями.

¹⁰ «ЭЛИС» (англ. ALICE – Alert, Lockdown, Inform, Counter and Evacuate) – американская программа отработки действий на случай вооруженного нападения на учебное заведение (попытки т. н. «массового расстрела»), предназначенная для студентов и школьников.

Мимо него, прихрамывая, проковылял мальчишка-подросток в перекосившихся набок очках. Вскоре за ним последовала пара девушек – одна из них остановилась, чтобы показать себе за спину.

– Я его там видела! – выпалила она. – У него пистолет!

– Хорошо. Иди скорее на баскетбольную площадку, – повторил Карвер. Продолжая продвигаться по коридору, он вытащил свой собственный пистолет.

Где-то неподалеку послышались приглушенные рыдания. Карвер прислушался к ним с бешено колотящимся сердцем. Дверь одной из классных комнат была приоткрыта, и он напряженной рукой осторожно толкнул ее.

За одним из столов скорчился мальчишка лет четырнадцати. Когда Карвер вошел, при виде пистолета глаза у него расширились.

– Нет, нет! – закричал он, закрывая лицо руками.

– Я полицейский, – успокоил его Карвер. – Тебе нужно убираться отсюда.

Подойдя к мальчишке, он помог ему встать. Штаны у того были мокрыми.

– Как тебя зовут? – спросил Карвер.

– М-мика.

– Мика, все собрались на баскетбольной площадке. Пошли.

Карвер вывел его из класса в коридор. И в этот момент уловил какое-то движение. Развернулся, прикрывая парнишку своим телом.

К нему подкатывала девушка в инвалидном кресле. Карвер поспешил к ней. У нее кровоточила губа.

– Ты ранена?

– Меня сбили с кресла, – ответила она, поморщившись.

– Давай-ка я тебе немного помогу. – Он подтолкнул ее кресло к выходу, обогнув по дороге чей-то брошенный рюкзак. – Дальше сама справишься?

– Да. – Ухватившись за колеса, девушка быстро покатила к дверям.

Шум с улицы был оглушительным. Крики, сирены, автомобильные гудки... По сравнению с этим внутри школы было устрашающе тихо.

– Ты не видела, там кто-нибудь еще остался? – спросил у нее Карвер, продолжая одной рукой направлять кресло.

– Не знаю. Все побежали, а я упала. Ударилась головой. Я слышала, как наш учитель кричал, выгонял всех на улицу... Не знаю, до сих пор ли он там. – Губы у нее задрожали.

– Ты молодец. Просто дуй к остальным на баскетбольную площадку.

Наконец она выкатилась за дверь. Карвер обернулся, внимательно прислушиваясь. Опять шаги. Он сделал несколько шагов на звук, обшаривая взглядом коридор.

И тут из-за угла вывернул какой-то мужчина. Крупный. Коротко подстриженные волосы. Что-то держит в руке.

– Не двигаться! – крикнул Карвер, направляя на него пистолет.

Мужчина немедленно отскочил назад. Палец Карвера придавил было спусковой крючок, но он на долю секунды заколебался, подумав, что это мог быть кто-то из учителей.

Неизвестный исчез за углом. Бросившись за ним, Карвер опять уловил взглядом движение. И пистолет, нацеленный в его сторону.

В коридоре оглушительно грохнул выстрел, и Карвер прижался к стене, вскинув свой пистолет и стреляя в ответ. Выстрелы трескучим эхом отдавались в тесном пространстве. В ушах у него звенело, глаза были прикованы к тому углу, выискивая руку с пистолетом, но та уже исчезла.

* * *

В ужасе, не сводя взгляда с монитора, на который транслировались изображения с камер наблюдения, Гусеница смотрел, как Шляпник пытается выбраться, бросив его и Альму. И как какой-то незнакомец, появившийся в поле зрения другой камеры, помогает девушке в инвалидном кресле.

А потом началась перестрелка. Он услышал у себя за спиной выстрелы – целую серию выстрелов, донесшихся из коридора, и увидел это на экране. Шляпник появился на одном из маленьких кадров, а второй мужчина – судя по всему, полицейский – сразу на двух других.

И теперь Шляпник убегал, возвращаясь тем же путем, которым пришел. Исчезал из поля зрения одной камеры и вновь появлялся на картинке с другой, со скривившимся в злобной гримасе лицом.

Полицейский все еще стоял, направив пистолет в угол. Потом медленно шагнул вперед, недрогнувшей рукой выставив перед собой ствол.

Шляпник вел к ним полицию.

– Нам нужно уходить, – сказал Гусеница Альме.

– Ничего не выйдет. – Голос у нее звучал, как хруст битого стекла, каждый слог в нем был надтреснут. Она стояла у окна, выглядывая на улицу. – Снаружи уже стоят две полицейские машины.

– Ты! – рявкнул на директора Гусеница. – Здесь ведь есть и запасной выход, точно? Я уже видел его с улицы. Как туда пройти?

– Он... вам нужно спуститься на первый этаж... пересечь спортзал... Отсюда налево... – запинаясь, пробормотал директор.

– Забудь, они будут и возле запасного выхода тоже! – крикнула Альма. – Мы в ловушке!

Он посмотрел на нее, а потом на мужчину, лежащего на полу, – бледного, истекающего кровью.

– Этому человеку нужна помощь, – проговорила Альма дрожащим голосом. – Нужно отвезти его в больницу. Мы расскажем им, почему оказались здесь. Мы ведь не хотели, чтобы это случилось!

Гусеница кивнул. Она права. Они должны сдать. И чем только Шляпник думал, открыв пальбу?

Нет, копы все поймут. Он все им расскажет. О похищенных детях. И... и...

Полиция – под контролем у Круга. Если сдать властям, то, считай, они уже покойники. Гусеница знал это. И Альма знала это. Нет, должен быть какой-то другой способ.

Он еще раз глянул на монитор. Полицейский свернул за угол. Шляпника нигде не было видно. Наверное, нашел где спрятаться. Или, может, уже успел выбраться...

– Как мне включить громкую связь? – спросил он у директора.

– Что включить?

– Сам знаешь! Интерком! Ту штуку, которую вы используете для общих объявлений!

– Систему оповещения?

– Да, блин, систему оповещения! Как она тут включается? – Гусеница дрожащей рукой направил на директора пистолет.

Тот сглотнул.

– Пожалуйста... Сейчас я вам покажу.

* * *

Никаких признаков стрелка. Карвер колебался. Нужно отступить. Группа быстрого реагирования уже на подходе, и она сумеет гораздо лучше справиться с этой проблемой.

Но девочка в инвалидном кресле и тот мальчик, Мика, вероятно, были не единственными оставшимися в школе учениками. Он не мог так вот попросту оставить в опасности других детей. Карвер сделал еще шаг, потом еще. Чувствуя себя незащищенным, зная, что стрелок может оказаться за любой дверью. Если тут и вправду только один стрелок. Ребята в отделе упоминали про целую группу. Может, их и больше. Может...

Громкий, пронзительный электрический визг.

– Внимание, внимание! – Нервный голос, полный резких нот и острых углов, эхом отдающийся повсюду. – У нас здесь директор. И секретарша. Если ты не уберешься, мы их пристрелим!

Карвер стиснул зубы – значит, стрелок все-таки не один. Но все равно продолжал продвигаться вперед.

– Я не шучу! Проваливай ко всем чертям! Скажи ему! Скажи ему, чтоб убирался!

А потом другой голос, испуганный:

– Да, пожалуйста, уходите. Они вооружены.

«Скажи *ему*, чтоб убирался»... Они присматривают за ним. Карвер огляделся. Заметил камеру наблюдения. Черт бы ее побрал...

Если они смотрят трансляцию с камер, то наверняка находятся в административной части школы.

Он бросил последний взгляд на камеру, объектив которой немигающе уставился на него в ответ. И наконец двинулся уже пройденным путем к выходу.

Глава 15

Эбби всегда изо всех сил старалась возвести мысленную стену между своей работой и остальной частью своей жизни. Это было нелегко – большинство копов в итоге все-таки позволяли полицейской работе просочиться в нее. В этом-то и основная причина, по которой уровень разводов среди копов настолько высок. Но обычно ей вполне это удавалось.

И вот теперь работа Эбби лоб в лоб столкнулась с ее обычной жизнью, прорвав эту тонкую, как бумага, стену, – настолько жестко и неожиданно, что у нее перехватило дыхание.

Школа Саманты. Место, в котором Эбби бывала десятки раз, подбрасывая туда дочь по дороге на работу. Здание, которое она рассматривала как часть незыблемой и привычной жизненной рутины. Она никогда по-настоящему не обращала на него внимания, что только лишней раз доказывало, что, по ее мнению, оно было *совершенно безопасным*.

Но в данный момент это место было далеко не безопасным. С завывающими отовсюду сиренами, кружащим где-то над головой вертолетом, фургоном группы быстрого реагирования у тротуара... Она махнула удостоверением, чтобы проехать мимо полицейского в форме, который перекрыл дорогу, перенаправляя движение.

Эбби уже долгое время занималась урегулированием кризисных ситуаций, и все это было частью ее повседневной жизни. Но только не здесь. И внезапно все эти бойцы ГБР в шлемах и бронежилетах, рассредоточившиеся вокруг школы, показались чем-то неправильным, неуместным и зловещим.

Эбби в сотый раз проверила свой телефон. Она уже не раз пыталась дозвониться до Сэм, написала ей: «Ты в порядке?» Сообщение все еще оставалось непрочитанным. Убрав телефон, Эбби припарковала машину и вышла, оглядываясь по сторонам.

Знакомое лицо. Карвер. Что он тут делает? Школа ведь не на его территории...

Тот беседовал с миссис Прэтчетт, замдиректора школы, – худощавой женщиной в сером жакете и длинной коричневой юбке. Эбби быстро подошла к нему, делая глубокий вдох и пытаясь собраться с мыслями.

– Карвер, – произнесла она. Голос у нее прозвучал пронзительно, в нем был страх, который мог услышать любой. – Что тут происходит?

Он повернулся к ней лицом. Несколько лет назад у приемного отца Эбби, Хэнка, случился сердечный приступ. Эбби и ее мама стояли тогда в приемном отделении неотложной помощи и ждали. Когда врач наконец вышел, назвав их имена, Эбби принялась лихорадочно изучать его лицо. Пытаясь понять, написаны на нем плохие или же хорошие вести. За те несколько секунд, прежде чем он сказал им, что с Хэнком все в порядке, она зафиксировала каждую черточку его лица, пытаясь оценить, *что* те могут значить. Он не улыбался – ничего хорошего это не обещало. Он хмурился – но, возможно, лишь потому, что был занят и с другими пациентами. Губы у него плотно сжаты – плохие новости? Или это просто его профессиональное выражение лица? Глаза его казались усталыми – но, вероятно, это говорило о том, что близился конец его смены.

Теперь Эбби вновь ощутила эту потребность – прочитать выражение лица Карвера, понять, не собирается ли он сказать ей что-то ужасное. В его темно-зеленых глазах отражалось беспокойство, но не откровенный страх. Его каштановые волосы были растрепаны, но он вроде этого не замечал.

– Эбби, – сказал он, – мы все еще пытаемся оценить обстановку. Была стрельба, и, насколько можно судить, стрелявшие – не из этой школы.

– Есть жертвы? – Она хотела, чтобы он сказал, что никто не пострадал. Хотела, чтобы все это прекратилось.

– Мы пока не знаем. Пока что пытаемся перевести всех детей в безопасное место. Как раз это мы и обсуждали сейчас с миссис Прэтчетт.

– Мы собрали всех детей на баскетбольной площадке, – добавила замдиректора. – И сейчас проводим переключку по системе контроля посещаемости. Недосчитались только четырех учеников.

– Кого именно? – У Эбби сжалось горло.

– Фрэнка Ховарда, Барри Джонса, Лисбет Рейнольдс и Руби Аллен.

Эбби выдохнула, чувствуя, как ее переполняет облегчение. С Сэм все в порядке. Уже отходя, она повернулась к баскетбольной площадке, желая разыскать дочь и крепко обнять ее.

– У стрелков внутри есть заложники, – добавил Карвер.

Эбби замерла и обернулась.

– Те ребята, которых не хватает?

Карвер покачал головой.

– Насколько нам известно, нет. Они взяли в заложники директора школы и его секретаршу. И пригрозили пристрелить их, если мы не уйдем.

– Они угрожали расстрелять заложников? Кто с ними разговаривал?

– Никто. Я был внутри. Они использовали систему громкой связи.

– Значит, они в кабинете директора, насколько я понимаю? – спросила Эбби, поворачиваясь к миссис Прэтчетт.

– Или в моем кабинете, – ответила замдиректора. – Или использовали микрофон секретаря. У нее он тоже есть.

– Они сказали что-нибудь еще?

– Нет, – сказал Карвер. – Они подозвали к микрофону директора, и он повторил то, что они сказали. Попросил меня уйти.

Эбби требовалось знать точные формулировки и то, как они звучали. Но с этим можно было пока подождать.

– Уже известно, кто они такие?

– Я видел одного из них. Крупный детина с короткой стрижкой, в джинсах и пальто. Он выстрелил в меня, я выстрелил в ответ, но он убежал. Согласно нескольким заявлениям, которые я получил от учеников, их либо двое, либо трое – точно пока не знаю. Но незадолго до стрельбы ФБР уведомило диспетчера о том, что на форумах Стражей замечены какие-то переговоры касательно этой школы.

– Стражей? – Эбби нахмурилась. Она была смутно знакома с этими сторонниками теории заговора. Это движение набирало обороты уже довольно давно, и согласно статье, которую она прочитала несколько недель назад, у него насчитывалось более миллиона «последователей», как они себя называли. Естественно, единственное, что требовалось, чтобы оказаться в числе этих последователей, – это делиться соответствующими мемами на «Фейсбуке» или в «Твиттере». Скоропалительные теории Стражей успели распиарить также несколько признанных знаменитостей, и основательно встряхнуло всю страну заявление какого-то конгрессмена, во всеуслышание поддержавшего их деятельность.

– ФБР следит за их перепиской? – спросила она.

– Да, – ответил Карвер. – Несколько месяцев назад какой-то тип в Оклахоме угрожал взорвать местную библиотеку. Оказалось, что это стало результатом теорий, выдвинутых Стражами. Бюро классифицировало их как угрозу внутреннего терроризма.

– Понятно, – сказала Эбби, поглядывая на фургон группы быстрого реагирования. – Пойду-ка переговорю с...

Тут у миссис Прэтчетт зазвонил телефон.

– Простите, – сказала она. – Тут уже звонили родители...

Голос ее сошел на нет, когда замдиректора посмотрела на экран телефона и глаза у нее расширились.

– Что такое? – насторожилась Эбби.

– Это из кабинета директора!

– Погодите! – поспешно сказала Эбби, потянувшись к телефону, но женщина уже приняла вызов.

– Да? Генри? – произнесла миссис Прэтчетт, задыхаясь. Затем лицо у нее застыло, на нем отразился страх. Она несколько секунд послушала, после чего прошептала: – Хорошо. – Протянув телефон Карверу, сказала дрожащим голосом: – Это один из них. Он хочет прямо сейчас поговорить с полицией.

Карвер нацелился взглядом на Эбби. Лишь долю секунды поколебавшись, она взяла телефон из руки женщины.

– Меня зовут Эбби. – Голос ее прозвучал негромко, спокойно, медленно. Это был голос человека, контролирующего ситуацию. – С кем я разговариваю?

Глава 16

Гусеница сидел, крепко прижав телефонную трубку к уху. Своим собственным мобильником он воспользоваться не мог – только если не собирался сообщить полиции и ФБР свои полные личные данные, включая номер социального страхования, домашний адрес и даже, черт возьми, свою любимую марку овсяных хлопьев. Сесть за директорский стол, на виду у снайперов и вертолета, кружащего снаружи, не осмелился, поэтому пристроился у стены под окнами, скрытый от посторонних глаз, – телефонные шнуры натянулись до предела, а сам телефон болтался в нескольких дюймах над полом.

– Меня зовут Эбби, – произнес женский голос. – С кем я разговариваю?

– Я сказал, что хочу поговорить с копами! – рявкнул Гусеница в трубку. Глянул через дверной проем на заложников, сидевших бок о бок. Альма держала их под дулом пистолета. Кто-то застонал – он так и не понял, кто-то из заложников или сама Альма.

– Я из полиции. – Голос собеседницы звучал расслабленно, непринужденно. Она вообще понимает, что, черт возьми, происходит? – Как вас зовут?

– Скажите копам, что если хоть кто-нибудь – я хочу сказать, *вообще кто угодно* – войдет в здание, то мы расстреляем заложников, понятно?

Вообще-то он так и поступил бы. Ему и вправду этого хотелось. Наверняка они работали с Кругом. Способствовали торговле дети. Он имел полное моральное право угрожать их жизням.

– Да, я поняла. – Ее голос оставался ровным, непоколебимым. – В школу никто не войдет. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал.

– Ну вот и отлично. – Болтающийся над полом телефон оттягивал запястье, рука уже начинала уставать. – Мы вооружены, у нас заложники, и мы можем видеть вас через камеры, так что просто держитесь подальше отсюда.

– Это понятно. Похоже, у вас там очень напряженная обстановка, и должна вам сказать, что люди здесь тоже всерьез обеспокоены. Все мы хотим, чтобы эта ситуация разрешилась так, чтобы никто не пострадал.

– Тогда держитесь подальше! И не пытайтесь сделать какую-нибудь глупость вроде отключения электричества или телефонной связи. Мы знаем, как работает полиция, вам все понятно? С нами шутки плохи!

– Я все поняла. Вы можете назвать мне свое имя? Я хочу знать, как к вам обращаться.

– Ни к чему, чтобы, э-э... – Его голос сорвался. Краем глаза Гусеница увидел, как директор пошевелил рукой.

– Не двигаться! – выкрикнула Альма. – Я буду стрелять! Не смей двигаться!

– Эй, не вздумай двинуться даже на дюйм, черт возьми! – заорал Гусеница, тоже прицеливаясь из пистолета в заложников.

Директор вздрогнул, неподвижно застыв. Женщина в трубке что-то сказала, но Гусеница не расслышал.

– Что? Что вы там говорите?

Она ответила ему – он слышал отдельные слоги, но мозг никак не мог связать их в слова. Казалось, что вот-вот стошнит. В носу пульсировала боль, на губах стоял вкус крови, кружилась голова. Где же Шляпник, черт побери? В здание в любой момент могла ворваться полиция. Они бросают внутрь светошумовые гранаты, а потом вламываются в окна. Гусеница сто раз видел такое в кино. Если они это сделают, он застрелит директора. И его секретаршу. Убьет столько этих ублюдков, сколько сможет.

Эта женщина – Эбби – повторила свои слова в третий раз, ее голос оставался совершенно ровным.

– Похоже, у вас там какая-то проблема. Все в порядке? Вы ранены?

– Я... да. Нет, все нормально. – На пол шлепнулась капля крови. Вот черт! Гусеница вытер кровь с губ и осторожно дотронулся до носа. От боли на глаза навернулись слезы.

– Там еще кто-нибудь пострадал? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Нет, послушайте, все в порядке – просто идите и скажите остальным копам, чтобы держались подальше.

– Как там Генри и Тельма? С ними все нормально?

– Кто-кто?

– Генри – это директор, а Тельма – секретарь школы. Они ведь с вами, насколько я понимаю?

Гусеница покосился на дверной проем. Тельма всхлипывала, на лбу у нее набух здоровенный кровотокающий синяк. За ней виднелись ноги человека, которого он застрелил. Рамиреса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.